

СТАТЬИ

DOI: 10.15826/vopr_onom.2015.2.001

УДК 811.511.11'373.21 + 811.511.15'373.21 + 81:39

О. В. Смирнов

«МАРИЙСКАЯ» ГИПОТЕЗА В ИССЛЕДОВАНИИ ТОПОНИМИИ ОКИ И УНЖИ И ЗАПАДНЫЕ ГРАНИЦЫ ДРЕВНЕМАРИЙСКОЙ ТОПОНИМИИ

В статье на базе топонимического материала рассматривается гипотеза о западном происхождении марийцев и миграции их на территорию современного расселения из районов Костромской области и бассейна Оки. В частности, критически изучается вопрос о возможности марийского происхождения некоторых топонимов на этих территориях, например, гидронимов с топоформантом *-ингирь*. Для проверки «марийской» гипотезы используется метод этнического моделирования, т. е. выделение типичных топооснов живой марийской топонимии и изучение возможного наличия их в субстратной топонимии исследуемой территории. На основе проведенного анализа устанавливается маловероятность происхождения топонимов на западе Костромской области и в бассейне Оки из марийского языка. Ареал распространения типичных марийских топонимов не позволяет говорить и о каком-либо марийском субстрате либо суперстрате западнее бассейна р. Кержанец. На правобережье Волги следы субстратной марийской топонимии обнаруживаются вверх по течению р. Сура вплоть до г. Алатырь, при этом, однако, марийского топонимического пласта западнее Суры автор статьи не находит. Отсутствие марийского субстрата в топонимии Оки и Унжи заставляет поставить под сомнение этногенетические версии западного происхождения марийцев и прихода их на территорию Марий Эл из приокских областей городецкой и дьяковской археологических культур. Вместе с тем на основе изучения фонетических соответствий, представленных в топонимических фактах, есть

© Смирнов О. В., 2015

основания предполагать достаточно близкое родство субстратных диалектов запада Костромской области и нижнего течения Оки и Клязьмы с марийским (прамарийским) языком.

К л ю ч е в ы е с л о в а: финно-угорские языки, волжско-финские языки, марийский язык, субстратная марийская топонимия, Костромская область, Волго-Окское междуречье, этимология, этногенез марийцев, мера, городецкая культура, дьяковская культура.

В связи с проблемой этногенеза марийского народа получило широкое распространение представление о миграции марийцев на территорию их современного расселения с запада, из районов Костромской области и бассейна Оки. С исторической точки зрения это представление основано на сведениях «Повести временных лет», где *черемисы* (марийцы) упоминаются рядом с мордвой среди народов, живущих на реке Оке. Кроме того, небезосновательной делает эту гипотезу и сближение марийцев с исторической мерей. Так, В. В. Напольских в своей книге «Введение в историческую уралистику» относит к прародине марийцев кроме бассейна Ветлуги и севера Чувашии также и бассейн р. Унжа [см.: Напольских, 1997, 43]. Еще дальше идет Д. Е. Казанцев в работе, посвященной формированию марийских диалектов в контексте происхождения марийского народа [см.: Казанцев, 1985]. Согласно концепции Д. Е. Казанцева, предки марийцев в I тыс. н. э. жили в южной части Окско-Сурского междуречья в районе впадения Цны в Мокшу, откуда двумя потоками к концу I тыс. н. э. они переселились в бассейн Унжи и на территорию современного Горномарийского района Марий Эл и севера Чувашии. Нельзя не отметить, что лингвистический и археологический материал для обоснования своих построений Д. Е. Казанцев привлекает достаточно избирательно, а приводимые им трактовки материала содержат различные недоразумения — например, в бассейне Унжи в начале II тыс. н. э. констатируется присутствие неких обских угров, а в бассейне Ветлуги — манси. Вследствие этого построения Д. Е. Казанцева были подвергнуты критике как со стороны языковедов, так и со стороны археологов [см.: Халиков, 2011, 70–73].

Одним из основных аргументов, способных подтвердить западную прародину марийцев, могли бы быть данные топонимии. Д. Е. Казанцев хорошо понимает это, однако весомый субстратный марийский топонимический пласт ему удается констатировать только для северных районов Чувашии. В то же время для территории предполагаемой марийской прародины в междуречье Оки и Суры исследователь приводит только два факта: 1) несколько топонимов с формантом *-елем*, якобы от мар. *илем* ‘жилые’; 2) речной гидроним *Вичкинза* [Казанцев, 1985, 49, 56]. Оба эти факта крайне сомнительны. Так, все приводимые Д. Е. Казанцевым топонимы на *-илем* в действительности оканчиваются на *-телем/-телим* (*Макателем*, *Тештелем*, *Шустелим*), поэтому, скорее, прав был А. И. Попов,

считая их близкими мордовским [см.: Попов, 1948, 229]. Гидроним *Вичкинза* сравнивается Д. Е. Казанцевым с мар. Г *вйтсѳнзѳ* 'исток (реки)'. Этимология в данном случае очень похожа на простое сближение по принципу созвучия, при этом взаимозаменяемость *к* и *с* никак не объясняется аналогичными фактами ни в истории марийского языка, ни в местной субстратной топонимии. Других примеров отражения мар. Г *сѳнзѳ* 'глаз' (> 'ключ, источник') на данной территории нами не обнаружено, однако в районе устья р. Мокша есть оз. *Шилма* [АРО, 39], ср. морд. *сельме*¹, урал. **šilmä* 'глаз' [ЭРС, 192; UEW, 479]. Кроме того, исход *-нза*, аналогичный финали в названии *Вичкинза*, в пределах этого же ареала можно выделить и в других гидронимах, не имеющих отношения к марийскому языку, ср. *Стар. Раманза*, р. [Смолицкая, 1976, 261].

Если, по гипотезе Д. Е. Казанцева, древние марийцы были в междуречье Оки и Суры еще в конце I тыс. н. э., то здесь мы должны были бы обнаружить достаточно весомый пласт древнемарийской топонимии. Как будет показано ниже, такого пласта западнее Суры нет. К топонимам, приводимым Д. Е. Казанцевым, можно добавить еще два интересных факта в рязанском течении Мокши, которые обнаружены нами на современных топографических картах, но Д. Е. Казанцевым не упоминаются: *Мингерь*, р. [АРО, 41], ср. мар. *энер* 'река, речка' [СМЯ, 10, 92]; *Ерхатур*, н. п. на берегу оз. *Ерхинка* [АРО, 51–52], ср. морд. *эрьхе* 'озеро' [МокшРС, 904] и мар. *тѳр* 'край; место близ чего-л.' [СМЯ, 7, 349–350]. Однако проблема в том, что это лишь единичные факты, относящиеся к разным районам (т. е. не локализуемые в некий ареал) и окруженные немарийской топонимией, которая содержит множество мордовских элементов. Отдельные глоссы, не образующие систему, в том числе систему фонетических соответствий, не обладают доказательной силой и, в лучшем случае, могут иметь значение лишь для исторической лексикологии как свидетельство распространения соответствующих слов в исчезнувших языках и диалектах. Для доказательства «окско-сурской» прародины марийцев необходимо было бы провести более обстоятельное исследование местной топонимии с применением метода этнического моделирования, чего, однако, не было сделано. Впрочем, судя по тому, что можно найти на имеющихся картах, «окско-сурское» направление поиска марийской прародины представляется малоперспективным.

Больше оснований имеется для поиска марийской прародины в низовьях Унжи, а также в месте впадения Оки в Волгу, т. е. в районах, которые непосредственно с востока граничат с историческими мерянскими землями. П. Рахконен в своей статье о мерянско-муромской и древнемордовской гидронимии в верховьях Волги и бассейне Оки попытался подкрепить тезис о древнем расселении марийцев к западу от современной территории Марий Эл наличием марийской топонимии в нижнем течении Оки и Клязьмы и нижнем течении Унжи [Рахконен, 2012, 12–15]. Основными его аргументами являются: 1) распространение в этом ареале гидронимов

¹ Марийское и мордовское слова со значением 'глаз' родственны [см.: UEW, 479].

с формантом *-ингVрь*, сопоставляемым с мар. *ejer, ängər* ‘река’; 2) историческое упоминание черемисов в нижнем течении Оки (к этому можно добавить наличие этнопонимов с основой *черемис-* в окрестностях Нижнего Новгорода); 3) очевидная «соотносимость топонимии Костромской области и низовий Оки с марийской топонимией» [Рахконен, 2012, 13], проявляющаяся в ряде одинаковых гидронимов в этих районах и в Марий Эл (например, *Елнать, Немда* и др.)².

Первые два аргумента представляются весьма серьезными. Что касается третьего аргумента, то в приводимом перечне топонимов с территории Марий Эл, которые находят соответствия в нижнем течении Оки и Унжи и которые картографирует П. Рахконен (р. *Буй, Елнать, Кокша, Немда*), в действительности нет ни одного топонима, объясняемого из марийского языка, все они на территории Марий Эл принадлежат пласту немарийской (? «домарийской») топонимии. П. Рахконен предполагает, что древние марийцы перенесли эти немарийские названия в ходе своих миграций, но это только одна из возможностей, которая к тому же требует дополнительной аргументации. Таким образом, «соотносимость топонимии Костромской области и низовий Оки» с топонимией Марий Эл³ никак не доказывает марийский характер топонимии низовий Оки и Унжи. В лучшем случае отдельные «переключки» топонимов этих территорий могут пролить свет на происхождение части «немарийской» топонимии на территории Марий Эл. Однако эта тема требует отдельного глубокого изучения и остается за пределами данной статьи.

1. Топонимия нижней Клязьмы и западной части Костромской области применительно к «марийской» гипотезе

Чтобы подтвердить или опровергнуть гипотезу о «марийском» субстрате в топонимии нижнего течения Оки и западной части Костромской области, необходимо произвести анализ основ некоторых распространенных здесь топонимических типов. Это, прежде всего, гидронимы на *-ингVр(ь)*, сопоставляемые с мар. *энер* ‘река, речка’ и обычно используемые в качестве главного аргумента в пользу «марийской» гипотезы.

1.1. Гидронимы с формантом *-ингVр(ь)*⁴

Основы, представленные в сочетании с речным формантом *-ингVр(ь)*, немногочисленны, но весьма показательно свидетельствуют об отличии языка-источника

² «Жгонский» язык, также приводимый П. Рахконеном в качестве аргумента, мы здесь не рассматриваем, поскольку этот арготический язык, вероятно, черпал свою лексику из многих источников, в том числе и из территориально близкого марийского языка.

³ Это более точное выражение, поскольку «топонимия Марий Эл» и «марийская топонимия» — не одно и то же, и смешение этих понятий П. Рахконеном методологически неверно.

⁴ Учитывая вариативный характер начального гласного, правильнее обозначить данный формант как *-VнгVр(ь)*. Однако для упрощения здесь и далее приводится наиболее частотный вариант форманта с начальным *и*, т. е. *-ингVр(ь)*.

от марийских диалектов, что ранее уже было отмечено А. К. Матвеевым [2007, 233]. Этимологический анализ основ данной группы и их сравнение с марийскими данными представлены в табл. 1.

Таблица 1

Топонимы ⁵	Этимология основ	Соответствия в марийском языке (по [СМЯ])	Примеры в марийской топонимии (по [ТРМЭ])	Примечания
<i>Вангирь</i> , бол. (*р.) ⁶ (? * <i>ВанВнгирь</i>) [Матвеев, 2006, 141, 145] ⁷	?	—	—	
<i>Киньдир</i> , р. (? * <i>Ки-ингир</i>) ⁸	ф.-уг. * <i>kiwe</i> ‘камень’ [UEW, 163]	кү ‘камень’	<i>Кўанэнер</i> , р. ⁹	
<i>Левангирь</i> , р. (<i>Левенгирь</i>)	1) ф.-волж. * <i>lämpэ</i> ‘теплый’ [UEW, 685] 2) ф.-уг. * <i>liwa</i> ‘песок’ [Ibid., 250]	1) мар. Г <i>ливй</i> , мар. Л <i>леве</i> 2) —	<i>Ливангёр</i> куп, бол.	
<i>Лынгерь</i> , р.	ф.-уг. * <i>liwa</i> ‘песок’ [UEW, 250]	—	—	Есть возможные параллели в ЦМЗ, ср.: <i>Львы</i> , н. п. возле оз. Неро недалеко от н. п. <i>Песочное</i> [АЯО, 101]

⁵ Ссылки на источники, из которых взяты формы названий, даются в перечне топонимов к карте 1 (см. ниже).

⁶ Здесь и далее значками *р. и *оз. помечаются те случаи, когда географические характеристики объекта позволяют предполагать, что данный топоним образован от наименования соседней речки или озера, названия которых в доступных источниках не зафиксированы.

⁷ По имеющимся в нашем распоряжении картам этот топоним локализовать не удалось. Локализация осуществляется по рукописной карте из архива А. К. Матвеева [СТРС, IV, п. 1, л. 106]. А. К. Матвеев обосновывает также возможность происхождения двусложных топонимов на *-ингирь* из трехсложных [Матвеев, 2006, 145].

⁸ Формант *-ингVр(ь)* может адаптироваться в варианте *-индVр(ь)*, ср.: *Ингирь*, р. в бассейне Клязьмы с вариантом *Индирь* [СТРС, IV, п. 1, л. 106]; *Ингери*, покос (*р.) с вариантом *Индерь* [ТЭ]. Этот же вариант адаптации отмечен и при русской передаче некоторых марийских топонимов на *-энер*, ср. *Мушэнер*, р. > рус. *Мушендер* [ТРМЭ, 221].

⁹ В [ТРМЭ] марийские топонимы на *-энер* с основой кү ‘камень’ не засвидетельствованы, есть лишь названия от мар. *кўан* ‘каменистый’.

Продолжение табл. 1

Топонимы	Этимология основ	Соответствия в марийском языке (по [СМЯ])	Примеры в марийской топонимии (по [ТРМЭ])	Примечания
<i>Неньгирь</i> , р. (? * <i>Немингирь</i>) [Матвеев, 2006, 141, 145] ¹⁰	1) фин. <i>niemi</i> ‘мыс’ 2) ф.-перм. * <i>nine</i> ‘лыко’ [UEW, 707]	1) — 2) мар. Г <i>ни</i> , мар. Л <i>ний</i>	1) — 2) —	1) Эта лексема отмечена в топонимии басс. р. Клязьма, ср. <i>Немахта</i> , оз. [Матвеев, 2006, 227]
<i>Палиндра</i> , р. (? * <i>ПалингVр</i>)	ср. фин. <i>palaa</i> , прасаам. * <i>rōlē</i> , морд. Э <i>paloms</i> ‘гореть’	—	—	Основа <i>пал-</i> ‘гореть, гарь’ была известна соседним северно-финским языкам на Русском Севере, ср. <i>Паленьга</i> , р., <i>Палуга</i> , р. [Матвеев, 2007, 115–116]
<i>Печингирь</i> , р.	ф.-перм. * <i>реçä</i> / * <i>репçä</i> ‘сосна’ [UEW, 727]	мар. Г <i>пй̄нж̄ы̄</i> , мар. Л <i>п̄унч̄о̄</i>	<i>П̄унч̄э̄нер</i> , р.	Основа <i>печ-</i> ближе к формам мордовского и саамского языков, чем к марийскому
<i>Пионерка</i> , р. (? * <i>Пиунгер</i>)	?	—	—	
<i>Пынгирь</i> , р. (? * <i>Пынингирь</i>) ? <i>Пунерь</i> , н. п. (*р. <i>Пунунгерь</i>) ¹¹	? ф.-уг. * <i>р̄ñпз</i> ‘сосна’ [UEW, 416] (? > ‘бор’)	мар. Г <i>п̄й̄н</i> ‘сосна’ [UEW, 416]	<i>П̄й̄нй̄ар</i> , оз.	Ср. также в бассейне нижней Клязьмы: <i>Пенях</i> , р., <i>Пенуха</i> , р., <i>Поныхарь</i> , оз. [АВО, 25, 26, 43]; близ устья р. <i>Пенях</i> есть ур. <i>Бор</i> [Там же, 26], а возле оз. <i>Поныхарь</i> — оз. <i>Заборье</i> [Там же, 25]

¹⁰ По имеющимся в нашем распоряжении картам этот топоним локализовать не удалось. Локализация осуществляется по рукописной карте из архива А. К. Матвеева [СТРС, IV, п. 1, л. 106].

¹¹ Адаптация *-энер* > *-Vнер* часто встречается при усвоении марийских топонимов русским языком, ср. *Моршэнер*, р. > офиц. рус. *Моршинер* [ТРМЭ, 216] и др.

Продолжение табл. 1

Топонимы	Этимология основ	Соответствия в марийском языке (по [СМЯ])	Примеры в марийской топонимии (по [ТРМЭ])	Примечания
<i>Сингер</i> , р. <i>Сингир</i> , р. (2 топ.) <i>Синкерь</i> , р. (* <i>СинУнгерь</i>) ¹² <i>Сингерь</i> , н. п. (*р.) <i>Синдер</i> , р. (* <i>Сингер</i>) <i>Синьгорька</i> , р. (н. п. <i>Сингорь</i>) <i>Суньгер</i> , р.	1) ф.-уг. * <i>sine</i> 'синий' [UEW, 759] 2) ф.-уг. * <i>tiwä</i> 'спокойный' (> 'глубокий'), фин. <i>syvä</i> 'глубокий' [Ibid., 525] 3) *«серебряный» ¹³	1) — 2) мар. Г <i>тўны</i> , мар. Л <i>тўнõ</i> 'вне, наружи' 3) мар. Г <i>ши</i> , мар. Л <i>ший</i> 'серебряный'	1) — 2) — 3) —	1) Рядом с р. <i>Синкерь</i> протекает р. <i>Синюха</i> [АВО, 18]. 2) Рядом с н. п. <i>Сингерь</i> есть н. п. <i>Глубоково</i> [Там же, 43]; основа <i>сив-</i> 'глубокий' с переходом * <i>t-</i> > <i>s-</i> могла быть известна некоторым соседним родственным финно-угорским языкам Русского Севера, ср. на севере Костромской обл.: <i>Сивьюг</i> , р. [Матвеев, 2007, 137], <i>Сивеж</i> , р. [АКО, 58]
<i>Сонгирь</i> , р. (? * <i>Сонингирь</i>)	ф.-уг. * <i>šawe</i> 'глина' [UEW, 468]	<i>шун</i> 'глина'	<i>Шунангёр</i> , р.	
<i>Ундюгерь</i> , р. (? * <i>Ундюнгерь</i>) ¹⁴	?	—	—	
<i>Ухтынгирь</i> , р.	?	—	—	Ср. распространенную на соседних территориях Русского Севера основу <i>ухт-/вахт-</i> , предположительно со значением 'волок' или 'медведь' [Матвеев, 2007, 57–58]

¹² В отношении адаптации *-нг-* > *-нк-* ср. *Унгорь*, р. с вариантом *Ункор* [Смолицкая, 190].¹³ Этимология предложена А. К. Матвеевым [СТРС, IV, п. 1, л. 105].¹⁴ Адаптация **-Vнгерь* > *-Vгерь* в данном случае может объясняться диссимилятивным воздействием сочетания *-нд-* в основе топонима.

Окончание табл. 1

Топонимы	Этимология основ	Соответствия в марийском языке (по [СМЯ])	Примеры в марийской топонимии (по [ТРМЭ])	Примечания
Ченгурка, р.	?	—	—	
Шачингирь, р.	1) урал. *čačэ / *čančэ 'рождаться' [UEW, 52] (? > 'родник') 2) ф.-уг. *šäčä 'вода' [Ibid., 469] ¹⁵	1) мар. Г <i>шача-</i> , мар. Л <i>шоча-</i> 2) —	1) — 2) —	Есть мерянские параллели, ср. <i>Шачебол</i> , н. п. [Матвеев, 2007, 233]
Шингирь, р.	1) ф.-перм. *šewэ 'калина' [UEW, 784] 2) доморд. *čämä 'темный, ржавый' [Keresztes, 156]	1) — 2) —	1) — 2) —	1) Относительно основы <i>ш(в)-</i> ср. также: <i>Шиверка</i> , р., <i>Шибальское</i> , оз. (Влад.) [АВО, 44, 58]. 2) Мар. <i>шим</i> , <i>шем</i> 'черный' из ф.-перм. *šimэ 'ржавчина' [UEW, 758] хуже из-за анлаутного <i>ш-</i> в топониме <i>Шингирь</i> вместо ожидаемого <i>с-</i> , поскольку переход <i>с > ш</i> в марийском языке достаточно поздний

Даже если предположить, что некоторые основы могли быть субстратными по отношению к языку носителей форманта *-ингVр(ь)*, то все же практически полное отсутствие дифференцирующих марийских топооснов в гидронимах на *-ингVр(ь)* свидетельствует против марийского характера топонимии на *-ингVр(ь)* в низовьях Унжи и междуречье Волги и Оки.

Весьма показательным также является фонетическое оформление *-ингVр(ь)* в отличие от мар. *-äнгйр*, *-энгер*. Анлаутное *и* вряд ли можно объяснить

¹⁵ Этимология предложена А. К. Матвеевым [СТРС, IV, п. 2, л. 30–32].

прамарийским характером звучания данного форманта на западных территориях. Скорее, наоборот, в марийском языке сохраняется более архаичная фонетическая форма, а в форме *-ингVp(ь)* наблюдается сужение корневого гласного.

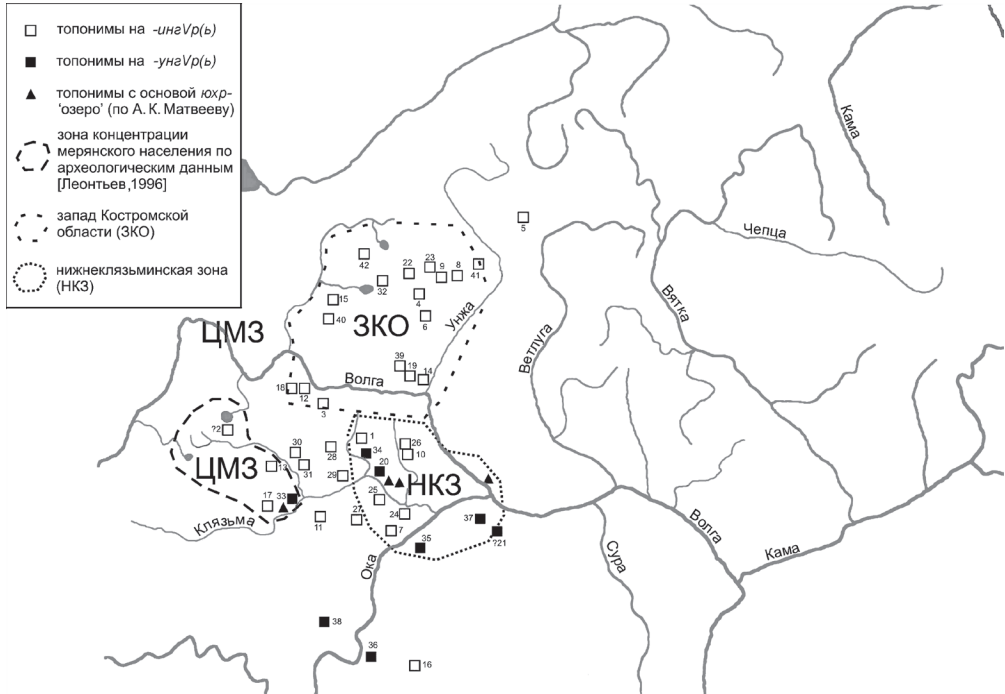
Нами произведено картографирование топонимов, в которых можно выделить топоформант *-ингVp(ь)* с учетом его изменений вследствие русской адаптации (см. карту 1)¹⁶. Всего на карту нанесено 42 названия — это значительно больше, чем на карте П. Рахконена (8 топонимов) [Рахконен, 2012, 13]. Распространение форманта охватывает достаточно компактную территорию к западу от нижнего течения р. Унжа и в бассейне Клязьмы, в основном ниже впадения р. Нерль. При этом ареал топонимов на *-ингVp(ь)* распадается на два субареала: северный, в западной части Костромской области, и южный, в среднем и нижнем течении Клязьмы во Владимирской области. Северный и южный субареалы различаются по составу основ. Так, характерной чертой южного субареала, помимо фонетических особенностей, о которых будет сказано ниже, является высокая частотность топонимов *Сингер(ь)* (с вариантами), которые явно отражают терминологизированный характер некой номинативной модели с топоформантом *-ингVp(ь)*; в северном субареале топонимов *Сингер(ь)* не отмечено, кроме одного названия, но уже с начальным *ш*: *Шингирь*.

Интересно сравнить выделяемый ареал топонимов на *-ингVp(ь)* с археологическими данными о расселении мери. Согласно выводам А. Е. Леонтьева, наиболее освоенными и густонаселенными центрами мери были окрестности озер Неро и Плещеево, с которыми тесными контактами связано Суздальско-Юрьевское ополье, при этом облик культуры населения Костромского Поволжья имеет свою специфику [Леонтьев, 1996, 292, 294]. В связи с этим примечательно, что ареал топонимов на *-ингVp(ь)* концентрируется своей северной частью как раз в Костромском Поволжье, а в бассейне Клязьмы он располагается к востоку от мест локализации летописной мери, подтверждаемых археологическими данными (см. карту 1). В Ярославской, Московской областях и на западе Владимирской области (т. е. на большей части территории центральной мери, которая на карте 1 обозначена как ЦМЗ) названия на *-ингVp(ь)* пока выявить не удалось, есть лишь отдельные сомнительные факты, подобные ойкониму *Инеры*, которые могут и не иметь отношения к данному форманту¹⁷. А. К. Матвеев допускал, что соответствующий термин мог свидетельствовать о диалектных различиях мери и характеризовать ее восточные диалекты, распространенные, в частности, на западе Костромской области [Матвеев, 2006, 181; СТРС, IV, п. 1, л. 103–104]. Но все-таки различие в локализации топонимов на *-ингVp(ь)*, с одной стороны,

¹⁶ При картографировании использованы материалы архива А. К. Матвеева [СТРС, IV].

¹⁷ На территории центральной мери А. К. Матвеев отмечает также гидронимы *Конгора* и *Янгора*, которые, однако, связывает с названиями типа *Кучегорь*, *Печкур*, *Сигорь*, выделяя в них гидроформант *-гор(ь)*, *-кур*, относящийся к другому этимологическому гнезду [см.: Матвеев, 2000].

и зоны концентрации мерянского населения, с другой (см. карту 1), в большей степени свидетельствует в пользу того, что эти топонимы могут быть не только немарийскими, но и немерянскими.

Карта 1. Топонимы с формантом *-VngVp(ь)*

Обозначения на карте:

1. Вангирь, бол. [СТРС, IV, п. 1, л. 106]	12. Ингорь, р. [АКО, 181]	22. Пынгирь, р. [ТЭ], Пынгирь, ур. [АКО, 82]	32. Сонгирь, р. [ТЭ]
2. Инеры, н. п. (*р.) [АИО, 9]	13. Киньдир, р. [Навител]	23. Пынгирь, р. [СТРС, IV, п. 1, л. 106]	33. Суньгер, р. [АВО, 36]
3. Ингар, р. [АКО, 183]	14. Левангирь, р. (Левенгирь) [СТРС, IV, п. 1, л. 106; ТЭ]	24. Сингер, протока [СТРС, IV, п. 1, л. 106]	34. Унгер, р. (Ундер, Унгарь) [СТРС, IV, п. 1, л. 106], Ундер [АИО, 21]
4. Ингарь, р. [АКО, 106] (Ингирь [ТЭ])	15. Лынгерь, р. [АКО, 101]	25. Сингерь, н. п. (*р.) [АВО, 43]	35. Ундюгерь, р. [АНО, 114]
5. Б. Ингерь, р. [АКО, 41]	16. Мингерь, р. [АРО, 41]	26. Сингир, р. [СТРС, IV, п. 1, л. 106]	36. Ункар, р. [АРО, 39]
6. Ингирь, р. [АКО, 131]	17. Неньгирь, р. [СТРС, IV, п. 1, л. 106]	27. Сингир, р. [СТРС, IV, п. 1, л. 106]	37. Ункор, р. [АНО, 106]
7. Ингирь, р. [АВО, 64]	18. Палиндра, р. [АКО, 181]	28. Сингирей, р. [СТРС, IV, п. 1, л. 106]	38. Ункор, р. (Унгорь) [Смолицкая, 190]
8. Б. и М. Ингирь, р. [АКО, 86, 110]	19. Печингирь, р. [АКО, 172], Печенгирь [ТЭ]	29. Сынгорька, р. [АВО, 21] (? *Пунгер)	39. Ухтынгирь, р. [АКО, 171]
9. Ингирь, р. [СТРС, IV, п. 1, л. 106]	20. Пионерка, р. [АИО, 21] (? *Пунгер)	30. Синдер, р. [Навител]	40. Ченгурка, р. [ТЭ]
10. Ингирь, р. [СТРС, IV, п. 1, л. 106]	21. Нов. Пунерь, ? н. п. (? *р.) [АНО, 106]	31. Синкерь, р. [АВО, 19]	41. Шачингирь, р. [ТЭ]
11. Ингирь, р. (Индирь) [СТРС, IV, п. 1, л. 106]			42. Шингирь, р. [АКО, 78]

При ареальном анализе топоформанта *-ингVр(ь)* обнаруживается еще одна интересная особенность. В бассейне нижней Клязьмы А. К. Матвеевым был выделен особый нижнеклязьминский топонимический ареал, который, видимо, принадлежал языку (диалекту), отличному от мерянского [Матвеев, 2006, 201–207; 221–223]. Выделение нижней Клязьмы из остальной территории исторических мерянских земель произведено А. К. Матвеевым по ряду специфических черт топонимии этого ареала: 1) отсутствие некоторых дифференцирующих мерянских топонимических компонентов: основы *яхр-*, форманта *-бол*, топонимов *Вёкса* и названий, производных от этнонима *меря*; 2) наличие компактного ареала гидронимов с формантом *-Vх*; 3) компактный ареал топонимов с основой *юхр-* ‘озеро’.

Этот нижнеклязьминский ареал существенной частью совпадает с южным субареалом топонимов на *-ингVр(ь)* (см. карту 1). Его специфика находит подтверждение и в особенностях отражения форманта *-ингVр(ь)*. В частности, обращает на себя внимание форма, в которой выступает этот формант в части топонимов на территории, прилегающей к нижнему течению Клязьмы и Оки: *Пунерь*, н. п.; *Суньгер*, р., *Ундюгерь*, р. (? **Ундюгерь*) — это формы с лабиализованным гласным в начале форманта, характер которого можно восстановить с опорой на гидронимы *Унгер* (*Ундер* / *Унгарь*), *Унгорь* (*Ункор*), *Ункор* (где *-нк-* < ? **-н-*), отражающие, вероятнее всего, самостоятельное топонимическое употребление этого термина. Формы *Унгер* / *Унгарь* / *Унгорь* в нижнеклязьминско-нижнеокском ареале соответствуют фиксируемому севернее и западнее (в районе Унжи и южнее Костромы) формам *Ингерь* / *Ингарь* / *Ингорь* с тем существенным отличием, что на месте начального *и* в них представлено *у*.

Единичные топонимы с формантом *-ингVр(ь)* отмечаются также и в некотором отдалении от отмеченных на карте 1 субареалов: *Б. Ингерь*, р. в верхнем течении Ветлуги; три речных гидронима к северу от устья р. Мокша (*Мингерь*, *Ункар*, *Ункор* / *Унгорь*). Возможно, в этих названиях отражены локальные миграции носителей соответствующих диалектов, так же как и в случае со среднеустьянским микроареалом гидронимов на *-VнгVр(ь)*, выделенным на Русском Севере А. К. Матвеевым [Матвеев, 2006, 133–160].

Тем самым очевидно, что слово, родственное мар. *энер* ‘река, речка’, в разных фонетических вариантах в древности было известно даже не одному, а по меньшей мере двум вымершим древневолжским диалектам (? языкам), распространенным на территориях, прилегающих к устьям рек Унжа и Ока. Таким образом, основной аргумент приверженцев гипотезы о марийском субстрате в низовьях Унжи и Оки, а именно о якобы «марийском» характере гидроформанта *-ингVр(ь)*, находит альтернативное объяснение в возможной принадлежности этого форманта родственным немарийским диалектам, что представляется более вероятным.

1.2. Моделирование типовых марийских топооснов

Для более полной проверки гипотезы о присутствии марийцев в низовьях Унжи и Оки представляется необходимым применить сравнение типовых марийских топонимических основ с основами субстратной топонимии этого региона (этническое моделирование). В этом случае анализ основ может дать дополнительную информацию о степени близости и характере различий древневолжских диалектов низовий Унжи и Оки и марийского языка.

На основе данных словаря [ТРМЭ] и топографических карт нами было выделено 60 наиболее частотных марийских топооснов, а также, где это оказалось возможным, по данным этимологических словарей (в основном [EWT] и [UEW]) были реконструированы прамарийские и домарийские формы этих основ (см. приложение).

Марийские основы сравнивались с топонимией двух территорий, на которых достаточно широко представлены гидронимы с якобы «марийским» (по мнению ряда исследователей) топоформантом *-VнгVр(ь)*: это запад Костромской области (ЗКО) и нижнеклязьминская зона (НКЗ) (границы территории сопоставления показаны на карте 1).

Необходимость выделения НКЗ и особого рассмотрения этой зоны определяется ее языковой (топонимической) спецификой, которая с отсылкой к исследованиям А. К. Матвеева обозначена выше. Включение НКЗ в сравнительный анализ связано не только с распространением в ее пределах топонимов на *-VнгVр(ь)*, но и с фиксацией в районе устья Оки ряда топонимов с основой *черемис-*. На это справедливо указал П. Рахконен [2012, 12–13], в связи с чем закономерен вопрос о соотношении нижнеклязьминского диалекта и марийского языка. Пределы НКЗ очерчиваются границами гидронимии на *-Vx*, топонимами с основой *юхр-*, в этих же границах концентрируются лимнонимы на *-VхрV*, в них же находится южный субареал гидронимов на *-VнгVр(ь)*.

ЗКО в своих границах охватывает северный субареал гидронимов на *-ингVр(ь)*, частично включая в себя самую северную часть Ивановской области. Необходимость сравнения топонимии этой зоны с марийскими языковыми данными, кроме концентрации названий на *-ингVр(ь)*, обусловлена также «переключкой» ряда топонимов с названиями территории Марий Эл, что отметил П. Рахконен [2012, 13–14]. Выделял ЗКО как особую зону и А. К. Матвеев. В своих работах он обозначает ее как КК (Костромской край) и противопоставляет ВОМ (Волго-Окскому междуречью), предполагая диалектную специфику местного мерянского языка в КК [СТРС, IV, п. 1, л. 104].

Исторические меряньские земли, расположенные за пределами исследуемой территории, обозначаются нами в данной статье как центрально-меряньская зона (ЦМЗ). На территории ЦМЗ меря упоминается очень рано, здесь находился ее исторический и административный центр, тогда как для территории ЗКО вероятно относительно позднее расселение мери и более поздняя ее ассимиляция.

Следовательно, на территории ЗКО в древнерусскую эпоху одновременно с мерянскими могли существовать аборигенные диалекты, которые могли и не иметь непосредственного отношения к мерянскому языку ЦМЗ. Ответ на вопрос о том, являлись ли эти диалекты марийскими или прамарийскими, должен дать анализ топонимии.

Проведенный анализ показал, что на исследуемой нами территории 18 типовых марийских топооснов не имеют никаких соответствий. Основ, схожих с марийскими, но отличающихся фонетически, обнаружено 34, ср., например: *ач-/оч-* при мар. *ош(о)* 'белый' [СМЯ, 4, 361]; *вол-* при мар. Л *ўлыл*, Г *ўлыл*, *ўл* 'нижний' [СМЯ, 8, 172]; *востыр-/вастр-* при мар. *ваштар* 'клен' [СМЯ, 1, 201]; *коч-/куз-/куж-* при мар. *кож* 'ель' [СМЯ, 2, 367]; *коч-/кус'(ц)-* при мар. *кужу* 'длинный' [СМЯ, 3, 98]; *лам-* при мар. *ломбо* 'черемуха' [Там же, 378]; *нож-/ноз-* при мар. *нуж* 'крапива', 'шука' [СМЯ, 4, 215–216]; *перт-/пурд-* при мар. *пөрт* 'дом, изба' [СМЯ, 5, 236]; *печ-* при мар. *пүнчө* 'сосна' [Там же, 413]; *сол-/сал-* при мар. *шоло* 'вяз' [СМЯ, 9, 206]; *сон-/сов-/сан-* при мар. *шун* 'глина' [Там же, 337]; *уч-* при мар. *изи* 'маленький' [СМЯ, 2, 20]; *шохра* при мар. *шўргө* 'лес (лиственный)' [СМЯ, 9, 418]; *яхр-/юхр-* при мар. Л *ер*, Г *йәр* 'озеро' [СМЯ, 1, 436] и др. В подавляющем большинстве это основы, происходящие от слов, которые относятся к финно-угорскому, финно-пермскому или финно-волжскому лексическим пластам.

В корпусе топонимов, отражающих эти 34 основы, отмечено 8 случаев, когда наряду с формами, фонетически отличающимися от марийских, фиксируются единичные топонимы с основами, которые формально совпадают с марийскими. Так, среди многочисленных названий с основой *коч-/кус'(ц)-* засвидетельствован единичный ойконим *Кужбал*¹⁸, ср. мар. *кужу* 'длинный'; среди ряда названий с основами *пест-/паст-/пукст-* засвидетельствована одна речка *Пистама*, ср. мар. *писте* 'липа' [СМЯ, 5, 122], и т. п.

Остальные 8 типичных марийских топооснов находят формальные соответствия в географических названиях исследуемой территории. Таким образом, если к этим 8 типичным основам добавить еще 8 основ, о которых сказано выше, то в общей сложности типовых марийских топооснов с формальными соответствиями в топонимии нижнего течения Оки и в западной части Костромской области мы зафиксировали 16 из 60.

Чтобы оценить, насколько приемлем и убедителен этот сравнительный материал для доказательства марийского топонимического пласта в ЗКО и НКЗ, представим все эти 16 основ в табл. 2.

¹⁸Здесь и далее мы не называем источник форм топонимов, если эти топонимы приведены в приложении, где их источник указан.

Таблица 2

Типовые марийские топоосновы ¹⁹	Топонимы в ЗКО	Топонимы в НКЗ ²⁰	Примечания
<i>йўксö</i> 'лебедь'	—	? <i>Юкша</i> , р. (2 топ.)	Более вероятно сопоставление с мар. <i>икса</i> 'залив; речка, проток' [СМЯ, 2, 34] (см. ниже)
<i>кужу</i> 'длинный'	? <i>Кужбал</i> , н. п.	—	Ср. также название р. <i>Кузь</i> , устье которой находится поблизости от н. п. <i>Кужбал</i> , и прамар. * <i>koz</i> [EWT, 78], урал. * <i>kuse</i> / * <i>kose</i> 'ель' [UEW, 222] ²¹ . Топоформант <i>-бал</i> — немарийский
<i>кукишо</i> 'сухой'	<i>Кукиша</i> , покос	—	Более распространены топонимы с другим фонетическим оформлением этой основы: <i>куик-</i> , <i>каки-</i> , ? <i>кохт-</i>
<i>кў</i> 'камень' <i>кўан</i> 'каменистый'	<i>Кукеша</i> , р. (2 топ.)	? <i>Кунга</i> , р.	Топоформанты <i>-киша</i> и <i>-(V)га</i> — немарийские. Есть топонимы с другим фонетическим оформлением этой основы: <i>куб-</i> , <i>кив-</i>
<i>кўшыл</i> 'верхний'	<i>Кушка</i> , р.	—	Не совсем точное сравнение: отсутствует суффикс <i>-ыл</i>
мар. Л <i>лоп</i> , <i>лап</i> , Г <i>лап</i> , <i>лапка</i> , <i>лапата</i> 'низина, низкий'	? <i>Лантиха</i> , р. ? <i>Лопата</i> , р.	—	Возможно русское происхождение указанных названий
мар. Г <i>лўлпй</i> 'ольха' [СГМЯ, 141]	—	<i>Люлех</i> , р. <i>Люлих</i> , р. (2 топ.)	Гидроформант <i>-(V)х</i> — немарийский

¹⁹ Марийские формы слов даются по словарю [СМЯ].

²⁰ Ссылки на источники топонимов см. в приложении.

²¹ К этимологии от урал. **kuse* / **kose* 'ель' склоняется А. К. Матвеев, считая гидроним *Кузь* адстратным прибалтийско-финским названием, а ойконом *Кужбал* возможной метонимической калькой к нему (предположительно мерянской) [Матвеев, 2010, 440]. Вместе с тем сбрасывать со счетов этимологию этих топонимов от слова со значением 'длинный' не стоит, так как в слове *кужу* «в марийском имело место звуковое изменение **č* > **š* > **z*» [EWT, 98], т. е. название речки *Кузь* и ойконом *Кужбал* возле ее устья могут отражать разные этапы изменения этимологического **č*, аналогичные фонетическим изменениям в марийском языке.

Окончание табл. 2

Типовые марийские топоосновы	Топонимы в ЗКО	Топонимы в НКЗ	Примечания
<i>писте</i> 'липа'	<i>Пистома</i> , р.	—	Топоформант <i>-ома</i> — немарийский. Более распространены топонимы с другим фонетическим оформлением этой основы: <i>пест-</i> , <i>пукст-</i>
<i>пёрт</i> 'дом, изба'	—	<i>Пордох</i> , р.	Гидроформант <i>-ух</i> — немарийский. Есть топонимы с другим фонетическим оформлением этой основы: <i>перт-</i> , <i>пурд-</i>
<i>руш</i> 'русский'	<i>Ружбал</i> , р. <i>Руша</i> , р.	—	Топоформант <i>-бал</i> — немарийский
<i>тор</i> , диал. 'лес, заросли'	<i>Тора</i> , р. <i>Торенка</i> , р.	—	
мар. Г <i>ўльыл, ўл</i> 'нижний'	? <i>Улья</i> , р.	—	Ср. также ф.-уг. * <i>wilä (wülä)</i> 'верхний' [UEW, 573]. Более распространены топонимы с другим возможным фонетическим оформлением основы: <i>вол-</i> 'нижний'
<i>шоло</i> 'вяз'	<i>Шолокша</i> , р.	—	Топоформант <i>-киша</i> — немарийский. Более распространены топонимы с другим фонетическим оформлением основы: <i>сол-</i> , <i>сал-</i>
<i>шор</i> 'болото'	<i>Шора</i> , р.	—	
<i>шордо</i> 'лось'	<i>Шордик</i> , р.	—	Более распространены топонимы с другим фонетическим оформлением основы: <i>сорд-</i>
мар. Г <i>шб́ггер</i> 'могила'	<i>Шегары</i> , н. п. <i>Шигари</i> , оз. <i>Шигарь</i> , р. <i>Шигарянская</i> , часть д., возв.	—	

Какие выводы можно сделать из этого сопоставительного материала?

Во-первых, в подавляющем большинстве случаев марийские факты единичны, а это не позволяет говорить об их надежности. Меньше всего формальных соответствий в НКЗ. Единичные сопоставления могут оказаться случайными совпадениями, не имеющими отношения к предполагаемым марийским этимонам.

Во-вторых, во многих случаях представленные основы выступают с топоформантами, чуждыми для марийского языка (*Кужбал*, *Ружбал* — топоформант *-бал*; *Пистома* — топоформант *-ома*; *Люлих*, *Пордух* — гидроформант *-Vх*; *Куюкшиа*, *Шолокиа* — гидроформант *-киа*).

В-третьих, в некоторых случаях (*Кужбал*, *Лантиха*, *Лопата*, *Улья*, *Юкиа*) основа имеет альтернативные этимологии, тем самым марийские сравнения оказываются под сомнением.

В-четвертых, большинство более или менее убедительных неединичных сопоставлений, которых всего пять, имеет отношение к общему финно-угорскому лексическому пласту: *ку(й)*- ‘камень’, *люл*- ‘ольха’, *шигар*- ‘могила’ (? > ‘кладбище’); к ним примыкает и общее для ряда финно-угорских языков заимствование *руш*- ‘русский’ — тем самым не исключено, что в вымершем субстратном языке, родственном марийскому, некоторая часть слов могла формально совпадать с марийскими лексемами. Можно выделить лишь одно неединичное сопоставление с дифференцирующей марийской топоосновой, отражающей специфичный слой марийской лексики: *тор*- ‘лес, заросли’. Но одного этого факта недостаточно, чтобы утверждать на исследуемой территории наличие марийского топонимического пласта.

Все сказанное выше свидетельствует об одном: возводить приведенные названия к марийскому языку весьма рискованно. Представленные в таблице факты свидетельствуют, скорее, не столько за, сколько против наличия марийской по происхождению топонимии в низовьях Оки и на территории Костромской области западнее Унжи (т. е. в ареале гидронимов на *-ингVрЬ*).

Существенны и еще два возражения против «марийской» гипотезы.

Первое состоит в том, что при анализе корпуса сравниваемых 60 типичных марийских топооснов выявляется целый ряд понятий, которые отражаются в марийском языке и в топонимии исследуемой территории посредством разных лексем, ср. мар. *йўл*- ‘гореть’ — на исследуемой территории *пал*-; мар. *кого*, *кузу* ‘большой’ — на исследуемой территории *ин*-; мар. *чодыра* ‘лес’ — на исследуемой территории *вор/вар*- и др.

Второе возражение заключается в том, что большинство дифференцирующих марийских топооснов, принадлежащих к специфичному лексическому слою марийского языка, не находит соответствий в ЗКО и НКЗ: это топоосновы *вес*- ‘другой’, *келге*- ‘глубокий’, *куп*- ‘болото’, *лавыра*- ‘грязь’, *маска*- ‘медведь’, *меран*- ‘заяц’, *нур/ныр*- ‘поле’, *памаш*- ‘родник’, *покиел*- ‘средний’, *чодыра*- ‘лес’.

Вместе с тем проведенный с помощью метода этнического моделирования анализ обнаруживает, что типичные марийские основы, относящиеся к финно-угорскому и финно-пермскому лексическим пластам, в большинстве случаев (34 из 60) имеют в исследуемых зонах фонетически отличающиеся соответствия (основ, не имеющих подобных соответствий, значительно меньше). Обычно такая общность исконной лексики свидетельствует о достаточно близком языковом родстве. Таким образом, можно предполагать, что субстратные языки ЗКО и НКЗ

были близкородственны марийскому. Для установления более детальной картины обратимся к анализу вероятных фонетических соответствий между марийским языком и отраженным в топонимии языком (языками) субстрата.

1.3. Некоторые фонетические особенности субстратных диалектов исследуемой территории по сравнению с марийским языком

Сравнение основ подтверждает языковое различие между НКЗ и ЗКО.

1. Наиболее важным представляется частое появление в НКЗ звука *y* в соответствии с нелабиализованными гласными (чаще *a*, *u*, *e*) в ЗКО. Так, начальное *y* (**y*) в реконструируемом нижнеклязьминском **унгVp(b)* / **yнгVp(b)* ‘речка’ заставляет вспомнить выявленную в этом ареале А. К. Матвеевым [2006, 202] форму *юхр*- ‘озеро’, в которой начальный гласный также является лабиализованным. Как в первом, так и во втором случае в марийских диалектах на месте этих лабиализованных гласных наблюдаются *ä* (мар. Г) и *e* (э) (мар. Л). Тем самым возможно предполагать, что исходный ф.-уг. **ä* (или **e*) в диалекте НКЗ сначала сузился до звука типа *u* (*ы*), а затем лабиализовался, перейдя в *y* (*y*) — в результате такой нижнеклязьминской лабиализации сформировалось диалектное фонетическое противопоставление территории, прилегающей к низовьям Унжи, и территории, прилегающей к низовьям Клязьмы. В соответствующий ряд, кроме приведенных выше тополексем, можно поставить и некоторые другие примеры: *Пукстерь*, р. (НКЗ) — *Пастома*, н. п., *Песта*, р. (ЗКО), ср. ф.-волж. **päkšnä* ‘липа’ [UEW, 726]; *Люлех*, р., *Люлих*, р. (НКЗ) — при ф.-перм. **lelz* (*lälz*) ‘ольха’ [Ibid., 688].

Проследить по топонимическим данным полную регулярность указанных фонетических соответствий не представляется возможным, поскольку нам неизвестны все позиционные особенности процесса, обусловившего формирование этих соответствий (в ЗКО, как было отмечено выше, на месте нижнеклязьминского *y* выступают разные звуки: *a*, *u*, *e*), однако наблюдаемая тенденция достаточно регулярна и показательна — см. табл. 3.

Отметим, что аналогии для нижнеклязьминской лабиализации (т. е. сужения и лабиализации гласного на месте ф.-уг. **ä*, **e*) можно найти в марийском языке, ср. ф.-волж. **jäkšz* [UEW, 631] > мар. Л *yütö* ‘холодный’ [СМЯ, 2, 163]²²; ф.-перм. **lelz* (*lälz*) [UEW, 688] > мар. Г *lülti* ‘ольха’ [СГМЯ, 141]; ф.-перм. **päškz* [UEW, 726] > мар. *püki* ‘орех’ [СМЯ, 5, 410]; ф.-перм. **rečä* / **penčä* [UEW, 727] > мар. Л *pünčö* ‘сосна’ [СМЯ, 5, 413].

Выделяемый нами ареал НКЗ территориально соотносится с группой обнаруженных на реках Теза и Лух археологических памятников, которые А. Е. Леонтьев склонен связывать с летописной *муромой* [Леонтьев, 1996, 215–221; 294]. Исходя из этого заманчиво предположить, что этнонимы *меря* и *мурома* в своей основе могут быть связаны друг с другом посредством нижнеклязьминской лабиализации.

²²Ср. речные гидронимы *Якша* и *Якшиш* в ЗКО [АКО, 107, 146].

Таблица 3

Домарийская форма	мар. Г	мар. Л	ЗКО	НКЗ: нижнеклязьминская лабиализация <i>*ä > *i > ü (ü)</i> ²³
<i>*äner</i> ‘речка’	<i>ängör</i>	<i>энер</i>	<i>Ингирь</i> , р.	<i>Унгер</i> , р.
<i>*jäyr</i> ‘озеро’	<i>йяр</i>	<i>ер</i>	<i>Яхр-</i>	<i>Юх(о)р-</i>
Ср. также:				
ф.-волж. <i>*läkä</i> ‘долина, низменность’ [UEW, 685]	<i>лйкй</i>	<i>лүкө</i> ‘трясина’	<i>Ляга</i> , р. <i>Ликиша</i> , р.	<i>Лух</i> , р.
ф.-перм. <i>*lelэ (läläэ)</i> ‘ольха’ [UEW, 688]	<i>лүлпй</i> [СГМЯ, 141]	<i>нөлпө</i>	? <i>Лёля</i> , р. ²⁴	<i>Люлех</i> , р. <i>Люлих</i> , р. (2 топ.)
ф.-волж. <i>*pākšnä</i> ‘липа’	<i>пистй</i>	<i>писте</i>	<i>Пастома</i> , н. п. <i>Песта</i> , р. (2 топ.)	<i>Пукстерь</i> , р. <i>Кукса</i> , р. (< <i>*Пукса</i>), она же р. <i>Липная</i>
ф.-уг. <i>*tälwä</i> ‘зима’ [UEW, 516] (> ‘северный’)	<i>тел</i>	<i>телы</i>	? <i>Теломша</i> , р. [ТЭ]	<i>Тюлех</i> , р. [АИО, 22], течет и впадает в р. <i>Лух</i> с севера
Возможно, этот ряд включает и основы с этимологическим <i>*e</i> :				
ф.-уг. <i>*perä</i> ‘задняя территория, задняя часть’ [UEW, 416]	—	—	<i>Перемь</i> , р. [ТЭ] <i>Периха</i> , р. [ТЭ] <i>Перечи</i> , ур. [АКО, 153]	<i>Пурех</i> , н. п. (*р.) [АНО, 70] <i>Пурешка</i> , р. (* <i>Пурег</i> / * <i>Пурех</i>) [АВО, 27]
Ср. также возможную лабиализацию ф.-перм. <i>*i</i> :				
ф.-перм. <i>*ičä (üčä)</i> ‘маленький’ [UEW, 78]	<i>изи</i>	<i>изи</i>	—	<i>Учхор</i> , оз. (вместе с оз. <i>Великое</i> находится в басс. р. <i>Юхорец</i> , в этой паре оно действительно является меньшим по размеру)

²³ По имеющимся данным можно допускать в этом процессе не только сужение и лабиализацию, но и передвижение по ряду.

²⁴ Река *Лёля* находится на крайней северо-восточной периферии исследуемого ареала; других соответствий нижнеклязьминскому *люл-* в ЗКО нет, тогда как в НКЗ это очень частотная основа. По этой причине гидроним *Лёля* может и не принадлежать к языку ареала ЗКО. Либо необходимо предполагать лабиализационное изменение **Лела > *Лёла > Лёля* на русской почве.

Окончание табл. 3

Домарийская форма	мар. Г	мар. Л	ЗКО	НКЗ: нижнеклязьминская лабиализация *ä > *i > ü (ü)
*«проток, исток из озера»	<i>иксă</i> [СГМЯ, 57]	<i>икса</i> , диал. <i>икша</i>	— ²⁵	<i>Юкша</i> , р. (2 топ.) ²⁶

2. Слово **δ'ete* (*δ'ōte*) ‘черемуха’ [UEW, 65] с анлаутным ф.-уг. **δ'* в НКЗ регулярно отражается в форме *лам-* (*Ламешика*, р., *Ламское*, оз., *Ламхоро*, оз., *Ламхра*, оз.), встречается эта основа и в ЗКО в районе Галича (*Лама*, р., *Ламтиха*, лес). Вместе с тем в ЗКО более распространены топонимы с другим возможным продолжением этой основы: *том-* (см. таблицу в приложении). Тем самым оказывается, что нижнеклязьминское *лам-* роднит местный субстрат с волжско-финскими языками (ср. мар. *lombo*, диал. *lambê* [EWT, 118], морд. *Э l'om*, морд. М *lajmä* ‘черемуха’ [UEW, 65]), в то время как *том-* в ЗКО отражает родство местного наречия с языками прибалтийско-финско-саамскими. По наблюдениям А. К. Матвеева, кроме прибалтийско-финских и саамского языков изменение начального **δ' > t* характеризовало также севернофинский «важанский» язык (*Томанга*, р.) и «южанскую» топонимию (*Томлюг*, р.) [Матвеев, 2007, 146, 175], которые географически близки к ЗКО. П. Рахконен предполагает наличие перехода **δ' > t* и в языке центральной мери [Рахконен, 2012, 16], однако это требует дополнительной проверки, поскольку основа *том-* может иметь не только значение ‘черемуха’, но и значение ‘дуб’ (см. в приложении сопоставление этой основы с мар. *тумо* ‘дуб’). Если в ходе дальнейших исследований переход **δ' > t* в ЗКО подтвердится, то он может стать важным дифференцирующим признаком, отделяющим языковой ареал ЗКО от нижнеклязьминского и, шире, марийско-мордовского.

В пользу того, что основа *том-* в некоторых топонимах ЗКО могла иметь значение ‘черемуха’, приведем в табл. 4 еще одно вероятное фонетическое соответствие между языками ЗКО и НКЗ, а именно рефлекс на месте ф.-уг. **ε* (*δ*).

²⁵ Есть несколько речек *Вёкса*, где переход *e > o*, вероятно, произошел уже на русской почве. В любом случае в силу начального *в-* нельзя исключить, что *Вёкса* может относиться к другому этимологическому гнезду, включающему коми *вис* (*виск-*) ‘ручей, соединяющий озеро с рекой’, ср. ф.-перм. **wiskэ* ‘промежуток, отверстие’ [UEW, 823].

²⁶ Обе речки представляют собой небольшие истоки из озер. В Ивановской области, в непосредственной близости от НКЗ, есть также урочища *Б.* и *М. Юкша* [АВО, 17]. Примечательно, что эти урочища также находятся на истоке из небольшого озера и, скорее всего, получили название по имени этого истока.

Таблица 4

ф.-уг. * <i>ɕ</i> (<i>ō</i>)	ЗКО: - <i>o</i> -	НКЗ: - <i>a</i> -
* <i>were</i> (<i>wōre</i>) ‘гора’ [UEW, 571] (> ‘лес’)	<i>вор-</i> : <i>Ворваж</i> , р. [АКО, 57] <i>Ворокса</i> , р. [Там же, 144] <i>Ворос</i> , р. [Там же, 112] <i>Ворша</i> , р. [Там же, 173]	<i>вар-</i> : <i>Варех</i> , оз. [АВО, 27]
* <i>δ’ɕme</i> (<i>δ’ōme</i>) ‘черемуха’ [UEW, 65]	<i>том-</i>	<i>лам-</i>

Фактов, конечно, пока мало, однако если наличие разных рефлексов основы со значением ‘черемуха’ в ЗКО подтвердится (*Лама*, *Лампиха*, но *Тома*, *Томша*), то это может служить одним из свидетельств многослойности местной субстратной топонимии.

3. Переход **k* в середине и конце слова в звук типа *x*. Наиболее регулярно данный процесс отражен в НКЗ. Важно, что звук, возникший в результате этого перехода, видимо, не был звонким, как марийский *ɣ* (орфографически *ɣ*). На это указывает регулярное отражение его в русской адаптации на территории НКЗ именно как *x* (*χ*), ср. нижнеклязьминский гидроформант *-юх/-ех/-их* [Матвеев, 2006, 203–206], а также известные в НКЗ речные гидронимы *Кохтовязь*, *Кохтовец* (из мар. *кок*, ф.-уг. **kakta* / **käktä* ‘два’ [UEW, 118] или ф.-перм. **koksэ* ‘сухой’ [Ibid., 670] с учетом соответствия *-хт- ~ -кс-* в данном ареале [СТРС, IV, п. 1, л. 92–95]). Если это так, то название р. *Лух* (пр. р. Клязьма) с учетом нижнеклязьминской лабиализации может этимологизироваться на основе ф.-волж. **läkä* ‘долина (реки), низменность’ [UEW, 685], родственного морд. *лей*, *ляй* ‘речка’. Непонятным, однако, в этом случае остается наличие двух идентичных гидронимов *Лух* в бассейне р. Унжа (аналогичное фонетическое развитие в говорах восточной периферии ЗКО или миграции на Унжу нижнеклязьминцев?). Что касается ЗКО, то здесь отражение **k* в середине слова, кажется, в основном соответствует тому, что наблюдается в марийском языке: *ɣ* в интервокальном положении и *k* в сочетании с согласным. На это указывает гидроформант *-Vɣa* [СТРС, IV, п. 1, л. 66–68] из урал. **joke* ‘река’ [UEW, 99], а также другие факты: *Каклаш*, р. — ср. мар. *кокла* ‘средний’ [СМЯ, 381–382] (от ф.-уг. **kakta* / **käktä* ‘два’ [EWT, 69]); *Лукша*, р., *Ляга*, р. — ср. ф.-волж. **läkä* ‘долина (реки), низменность’ [UEW, 685]; *Шегары*, н. п., *Шигари*, оз., *Шигарьянская*, возв. — ср. мар. *шүгар*, ф.-уг. **čikэ-рэ* / **čikэ-рэ* ‘могила’ [Ibid., 59] (ср. в НКЗ ойконим *Шихуриха*). Вместе с тем на территории ЗКО есть топонимы, в которых так же, как и в примерах нижнеклязьминского ареала, можно предполагать переход **k* > *x*: топоним *Яхр-* ‘озеро’ [см.: Матвеев, 2006, 194, 200]; топонимы *Шохра*; речной гидроним *Кехтога* (ср. ф.-уг. **kakta* / **käktä* ‘два’); гидронимы *Яхныш*, *Яхня* (ср. мар. Г *йăкты* ‘сосна’, ф.-уг. **jakkэ* ‘сосновый лес’ [UEW, 88]). Факты, отражающие переход **k* > *x*, характеризуют

также диалект центральной мери: кроме топоосновы *яxp-* ‘озеро’ это лимноним *Кухло* близ устья р. Кострома (ср. мар. *кокла* ‘средний’), ойконим *Шихобалово* на р. *Шуга* [АВО, 17]. Как и в случае с рефлексом анлаутного ф.-уг. **δ*’, различное отражение **k* в середине слова на территории ЗКО может являться следствием многослойности субстратной топонимии или может быть связано с комбинаторными особенностями протекания фонетических процессов.

4. Как в НКЗ, так и в ЗКО наблюдается сохранение в середине слова (в интервокальном положении или в сочетании с сонантом) аффрикат **č* и **ć* — в отличие от марийских тополексем, где в этих же позициях во многих случаях проявилась тенденция изменений **č* > *ж* и **ć* > *ж/з*. Примеры: *Кочекса*, р., *Кочехоро*, оз., *Кочихра*, оз., *Кочуга*, р., ср. урал. **końč* / **koć* [UEW, 180] — при мар. *кужу* ‘длинный’ [СМЯ, 3, 98]; *Печенгирь*, р., *Печень*, р., *Печуга*, р., *Печхало*, оз., *Печхар*, оз., ср. ф.-перм. **pečä* / **peñčä* ‘сосна’ [UEW, 727]; *Уча*, р., *Учхор*, оз., ср. ф.-перм. **ičä* (*ićä*) [Ibid., 78] — при мар. *изи* ‘маленький’ [СМЯ, 2, 20]; *Шанчиха*, р. (Костр.) [ТЭ] — ср. морд. Э. *шенже* ‘утка’ [ЭРС, 250], ф.-уг. **šęčz* ~ **šęñčz* ‘дикая утка’ [UEW, 58]; *Шача*, р. (8 топ.), *Шачебол*, н. п., *Шачингирь*, р., ср. урал. **šačz* / **šapčz* ‘рождаться’ [Ibid., 52] (? > ‘родник’) или ф.-уг. **šäčä* ‘вода’ [Ibid., 469]. В этом же ряду можно привести речной гидроним *Ача*, ср. ф.-уг. **ačka* [Ibid., 3] — при мар. *ош(о)* ‘белый’ [СМЯ, 4, 361].

Вместе с тем в топонимах ЗКО (но не НКЗ!) сохранение этимологических **č* и **ć* в середине слова, как и в марийском языке, нерегулярно. Примерами могут служить гидронимы *Ножига*, *Нозома*, *Нозыга* (ср. мар. *нуж* ‘щука’, ‘крапива’, урал. **noča* ‘колючка’ (? > ‘щука’) [UEW, 307]); *Шинженка* (Костр.) [АКО, 127] (ср. морд. Э. *шенже* ‘утка’, ф.-уг. **šęčz* ~ **šęñčz* ‘дикая утка’). Возможно, в этот ряд входит и речной гидроним *Узакса* (ср. мар. *изи*, ф.-перм. **ičä* (*ićä*) ‘маленький’).

5. Прафинно-угорский **č* в начале слова, по всей видимости, переходил в *š*, особенно на территории ЗКО (для НКЗ соответствующих фактов пока мало). Примеры: *Шанчиха*, р. (этимологию см. выше); *Шегары*, н. п., *Шигари*, оз., *Шигарьянская*, возв., *Шихириха*, н. п. (этимологию см. выше); *Шингирь*, р. (если из **Шимингирь*), ср. доморд. **šätä* ‘темный, ржавый’ [Keresztes, 156]. Возможно, этим переходом объясняется относительная редкость в исследуемом ареале субстратных топонимов с начальным *ч*, особенно по сравнению с названиями с начальным *ш*. Эта фонетическая черта имеет наиболее последовательные аналогии в мокшанском наречии мордовского языка, тогда как в марийском языке более регулярно начальное *ч*. Если это так, то некоторые наблюдаемые в марийском языке «нерегулярности» (например, мар. *шўгар* ‘могила’) могут, в частности, объясняться заимствованиями из языка западных соседей.

В то же время в ЗКО имеются и вероятные рефлексы сохранения анлаутного **č*, например, в названии урочища *Чигари* (Костр.), ср. ф.-уг. **čikz-rz* / **čikz-rz* ‘могила’. Как можно предполагать, сохранение анлаутного **č* было более характерно для диалектов центральной мери, ср. *Чигера*, р. (Влад.) [АВО, 14], однако для приведенного нами случая возможно другое, не связанное с центрально-мерянскими

данными, объяснение: в слове *čikэ-рэ / *čikэ-рэ ‘могила’ К. Редеев отмечает возможность варьирования анлаутного *č/*č [UEW, 59]. Тем самым начальное ч может отражать не сохранение анлаутного *č, а являться рефлексом *č. Очевидно, что для точного решения этого вопроса необходимо больше данных.

Следует считаться и с тем, что на территории ЗКО такие «параллельные» названия, как *Кочуга* — *Кужбал*, *Кусь*; *Шанчиха* — *Шинженка*; *Шегары* — *Чигари*, могут принадлежать разным финно-угорским языкам, отражая многослойность субстратной топонимии региона.

6. Что касается области вокализма, то нами выявлен ряд топонимических сравнений, позволяющих высказать предположение о сужении в НКЗ ф.-перм. *o > u. Соответствующие примеры: *Нула*, р., *Нулка*, р. в НКЗ — при *Ноля*, р. в ЗКО, ср. ф.-перм. *ńolkэ / *ńalkэ ‘ильм’ [UEW, 715]; *Тума*, н. п., *Тумка*, р. в ЦМЗ (в непосредственной близости от НКЗ) — ср. ф.-перм. *toma ‘дуб’ [Ibid., 798]; *Шухра*, н. п. (Иван.) [АИО, 18] в ЦМЗ в непосредственной близости от НКЗ — при неоднократно отмеченных названиях *Шохра*, *Шохорка* в ЗКО, ср. рус. диал. (костр.) *шохра* ‘лес по болоту’ [Даль, 4, 642].

7. Интересной чертой мерянских диалектов, на которую обратил внимание П. Рахконен [2012, 16–17], является возможный переход этимологического *a в o. Эта особенность, согласно нашим данным, характерна и для субстратной топонимии ЗКО. Что касается НКЗ, то этимологический *a в этой зоне в основном сохраняется. Примеры: *Волга*, руч. [ТЭ] в ЗКО — но *Валгма*, р. [АНО, 104] в НКЗ, ср. ф.-волж. *walkэ ‘белый, светлый’ [UEW, 554]; *Вонд*, р. [АКО, 175] в ЗКО, *Вондига*, р. [АВО, 28], *Вондыга*, р. [АИО, 13]²⁷ в ЦМЗ — но *Вандух*, р. [АВО, 62] в НКЗ, ср. ф.-уг. *wamta ‘лес’ [UEW, 556]; *Востыр*, р., *Востырь*, р. в ЗКО — но *Вастрома*, н. п., *Ватаракша*, р. (? < *Вастаракша) в НКЗ, ср. ф.-волж. *wakštэre (*wokštэre) ‘клен’ [Ibid., 812]; *Сова*, р., *Сонгирь*, р., *Соня*, р. в ЗКО — но *Санахта*, р., *Санхр*, оз. в НКЗ, ср. мар. шун, шон, ф.-уг. *śawe ‘глина’ [Ibid., 468]; *Солоница*, р., *Солонка*, р., *Шолокша*, р. в ЗКО — но *Сало*, оз., *Салун*, н. п., *Салы*, залив, *Сальня*, р. в НКЗ, ср. ф.-уг. *śala ‘вяз’ [Ibid., 458]. По мнению П. Рахконена, переход *a > o свидетельствует о близости мерянского языка к саамскому [Рахконен, 2012, 16], однако можно говорить и об аналогии с прамарийским языком, где ф.-уг. *a > прамар. *o, ср. *śala > прамар. *śolâ ‘вяз’ [EWT, 243], *śapa > прамар. *śop-ki ‘осина’ [Ibid., 245], *śarta > прамар. *śordâ ‘лось’ [Ibid., 247] и т. п.

8. Есть основания предполагать, что в НКЗ имела место тенденция к утрате конечных гласных корня. Об этом свидетельствуют следующие факты: гидроформант -Vx (*juχ) — при урал. *joke ‘река’ [UEW, 99] и мар. Г *йогы* ‘течение, поток,

²⁷Примеры топонимов с основой *вонд-* приведены П. Рахконеном [2012, 17], однако предложенная им этимология (~ морд. *anda ‘кормить’) представляется менее удачной как по семантическим, так и по словообразовательным критериям — в частности, она не объясняет отсутствия суффикса причастия.

река' [СМЯ, 2, 93]; Лух, р. — ср. ф.-волж. *lākā 'долина (реки), низменность'; основа уч- (Учхор, оз.) — ср. ф.-перм. *iċä (iċä) и мар. *изи* 'маленький'.

Для оценки степени сходства субстратных диалектов исследуемой территории с марийским языком, основанной на историко-фонетическом критерии, представим полученные данные в нижеследующей табл. 5.

Таблица 5

Фонетическая черта	ЗКО	НКЗ	Марийский язык
1. Лабиализация ф.-перм. *ä, *e > ü (ü)	Нет	В ряде слов (шире, чем в марийском)	В ряде слов
2. Изменение анлаутного ф.-уг. *δ'	t (t') либо l	l	l
3. Сужение ф.-перм. *o > u	В основном нет	Есть	Есть
4. Лабиализация ф.-уг. *a > o	Есть	Нет	Есть
5. Отражение ф.-уг. *č и *ċ в интервокальной позиции и в сочетании с сонорными	Сохранение аффрикаты (орфографически ч); встречается *ċ > z (s), ž (орфографически з (c), ж)	Сохранение аффрикаты (орфографически ч)	Часто встречается *č > ž, *ċ > z, ž (орфографически ж, з)
6. Отражение анлаутного ф.-уг. *č	š (орфографически ш)	? š (фактов мало) (орфографически ш)	č, иногда š (орфографически ч, ш)
7. Изменение *k в середине слова	k, g (γ), χ (орфографически к, г, х)	χ (орфографически х)	k, γ (орфографически к, г) в сочетании с согласным, выпадение — в интервокальной позиции [EWT, 87]
8. Судьба сочетания *-iw(V) (на примере ф.-уг. *kiwe 'камень')	Стяжение: ку ²⁸	Сохранение: кив-	Стяжение: кү'
9. Утрата конечных гласных корня	В основном нет, но встречается	Есть	В основном нет
10. Отражение ф.-уг. анлаутного *s-, *š-	s (орфографически с), редко š (орфографически ш)	s (орфографически с)	š (орфографически ш)

²⁸Если учитывать этимологии других топооснов ЗКО, сочетающихся с формантом *-ингVрь*, то можно привести и иные примеры, в которых, предположительно, происходит стяжение на месте конечного ф.-уг. *-i(e)wV, ср.: *liwa (> Лы-), *šewэ (> Шу-).

Первые три черты отражают фонетические процессы, общие для НКЗ и марийского языка. Есть также показательные соответствия марийским лексемам, характерные для НКЗ в отличие от ЗКО: основа *люл-* (*Люлех*, р., *Люлих*, р., *Люлишка*, р.) и мар. *Г лүлмй* ‘ольха’ [СГМЯ, 141]; основа *сем-/сим-* (*Семахар*, оз., *Смехровское*, оз. (*Смехро*) [Матвеев, 2006, 199], *Симбирка*, ур.) и мар. *шем*, *шим* ‘черный’ (< прамар. **sim* [EWT, 224]). Кроме того, именно в нижнеклязьминском ареале фиксируются этнопонимы с основой *черемис-* (*Черемисское*, оз.)²⁹. В целом создается впечатление, что нижнеклязьминский топонимический ареал демонстрирует определенную близость к марийскому (прамарийскому) языку. Однако считать «нижнеклязьминский» язык диалектом прамарийского языка нет оснований, поскольку, наряду с отмеченными сходствами, можно заметить и весьма значительные различия между «нижнеклязьминским» и прамарийским.

Во-первых, в некоторых случаях диалект нижнеклязьминцев сохранял более архаичные (еще домарийские!) формы: **χr* в основе *юхр-* ‘озеро’; **iw* в основе *кив-* ‘камень’; **oč* в основе *коч-* ‘длинный’. Во-вторых, топонимия нижнеклязьминского ареала демонстрирует фонетические изменения, которые не отмечены в прамарийском: ф.-уг. **ä* > *ü/ü* в словах, восходящих к **jäyr* ‘озеро’, **äyer* ‘речка’, **päkšnä* ‘липа’, и в слове, соответствующем мар. *икса* ‘залив, речка, проток’; **-k-* > **-χ-*; тенденция к утрате конечного гласного корня. В-третьих, обращает на себя внимание активное использование в нижнеклязьминской топонимии речного форманта *-Vx* (**juχ* < урал. **joke* ‘река’), в то время как в марийском языке соответствующее ему слово (мар. *Г йогы* ‘течение, поток, река’) в топонимии практически не используется. Показательно в плане языковых расхождений и различие формы словосочетания со значением ‘маленькое озеро’: нижнеклязьминское *Учхор*, оз. (в бассейне нижней Клязьмы) и мар. *Изи ер*, оз., *Изияр*, оз. (на территории Марий Эл) [ТРМЭ, 76, 88].

Черты с четвертой по девятую в большей степени сближают с марийским языком не диалект НКЗ, а диалекты ЗКО. Однако и здесь сходства не абсолютны, ср.: основа *коч(V)*- и мар. *кужу* ‘длинный’; основа *нож(V)*-/*ноз(V)*- и мар. *нуж* ‘крапива’, ‘щука’; основа *печ-* и мар. *пүнчө* ‘сосна’; основа *яхр-* и мар. *ер*, *йяр* ‘озеро’ и т. д.

Десятая черта свидетельствует об отсутствии в НКЗ (регулярно!) и в ЗКО (в большинстве случаев) изменения ф.-уг. **s-*, **š-* > **š-*, характерного для марийского языка.

Таким образом, можно видеть, что по ряду фонетических черт марийский язык сближается с диалектом топонимического субстрата НКЗ, а по другому ряду — с диалектами ЗКО. Вместе с тем каждый диалект существенно отличается

²⁹ В связи с этим примером нельзя не вспомнить древнее летописное свидетельство о локализации черемисов среди народов, «седающих» по реке Оке. В данном случае, однако, не следует исключать возможность применения этнонима *черемисы* не только к марийцам, но и к близкородственным племенам, например, к носителям гидронимии на *-вяз(ь)* (см. ниже).

от марийского языка. Обычно такая картина характерна для ряда генетически родственных, но разных языков.

Различия между марийским языком и субстратными диалектами НКЗ и ЗКО наблюдаются не только на уровне фонетики, но и в лексическом составе. Приведем в табл. 6 лишь некоторые примеры, список которых в ходе дальнейших исследований может быть заметно расширен.

Таблица 6

Значение	Марийский язык	Топоосновы (топоформанты) в ЗКО ³⁰	Топоосновы (топоформанты) в НКЗ
‘белый’	<i>ош(о)</i>	<i>Волг-, Ач-</i>	<i>Валг-</i>
‘большой’	<i>Г кого, Л кугу</i>	<i>Ич-</i>	
‘вода’	<i>вўд</i>	? <i>Шач-</i>	
‘волк’	<i>пире</i>	<i>Виргаз-</i>	<i>Виргуз-</i> ³¹ <i>Ширм-</i> ³²
‘гореть, горелый’	<i>Г йыл-, Л йўл-</i>	<i>Пал-</i>	<i>Пал-</i>
‘грязь’	<i>Г лавўрә Л лавыра, лювыра</i>	<i>Шеки-</i> ³³	
‘деревня’	<i>ял сола</i>	<i>-бал(а)/-бол(а)</i>	
‘лес’	<i>чодыра</i>	<i>Вор-</i>	<i>Вар-</i>
‘маленький’	<i>изи</i>		<i>Выш-, Уч-</i>
‘поле’	<i>Г ныр, Л нур</i>	<i>Палд-</i> ³⁴	
‘река’	<i>Г әнгёр, Л энер</i>	<i>-ега</i> (с вариантами) — бо- лее частотно, <i>-ингир(ь)</i> — менее частотно	<i>-ех</i> (с вариантами) — бо- лее частотно, <i>Унгер</i> — менее частотно
‘утка’	<i>Г лыды, Л лудо</i>	<i>Шанч-/Шинж-</i>	

Нетрудно заметить, что лексические параллели у слов, отличающихся в диалектах ЗКО и НКЗ от марийских эквивалентов, отмечаются в основном в мордовских или в прибалтийско-финско-саамских языках.

³⁰ Примеры топонимов приведены в тексте данной статьи, а также в приложении.

³¹ Ср.: *Виргаз*, р. (Нижег.) [АКО, 192] в ЗКО и *Виргуза*, р. (Иван.) [Навител] (*Воргуза* [Смолицкая, 219]) в НКЗ; ср. морд. *Э верьгиз* ‘волк’ [ЭРС, 51].

³² Ср.: *Ширмакиа*, р. (Нижег.) [АНО, 59], *Ширьма*, оз. [Там же, 102] в НКЗ; ср. саам. кильд. *t'sŷŷm* ‘волк’, урал. **šurte* ‘дикий зверь’ [UEW, 490].

³³ Ср.: *Шекиема*, р. (Костр.) [АКО, 113], *Секиа*, р. (Влад.) [АВО, 20], *Секиа*, р. (Яр.) [АЯО, 40]; ср. морд. *Э seks, sekse*, ф.-перм. **säksä* ‘грязь’ [UEW, 755].

³⁴ Ср.: *Палдома*, ур. (Костр.) [ТЭ] в ЗКО; ср. фин. *pelto* ‘поле’ [СТРС, IV, п. 2, л. 21].

В связи с наблюдаемым отсутствием марийского топонимического пласта в топонимии низовий Оки и запада Костромской области возникает вопрос о том, где по топонимическим данным можно очертить западные и южные границы ареала древнемарийской топонимии на землях, прилежащих к территории проживания современных марийцев.

2. Ареал древнемарийской топонимии

Топонимия марийского происхождения на территориях за пределами проживания современных марийцев исследована еще недостаточно. Наилучшим образом она изучена в северных районах Чувашии, где в наличии мощного марийского субстратного пласта сомневаться не приходится [см.: Федотов, 1970; Казанцев, 1985, 50–51; Иванова, 2005, 139–147]. В то же время границы распространения топонимов марийского происхождения на западе и на юге до сих пор не очерчены.

Не претендуя на исчерпывающий характер материала, нам хотелось бы представить результаты картографирования некоторых наиболее западных и южных топонимов, которые с большой степенью вероятности могут интерпретироваться как марийские (см. карту 2). На этой карте, в частности, выделен ареал субстратной марийской топонимии в северной части Чувашии, где субстратных марийских названий обнаруживается очень много. Единичные марийские по происхождению топонимы Чувашии нанесены на карту лишь в той части, где соответствующий ареал выклинивается к юго-западу.

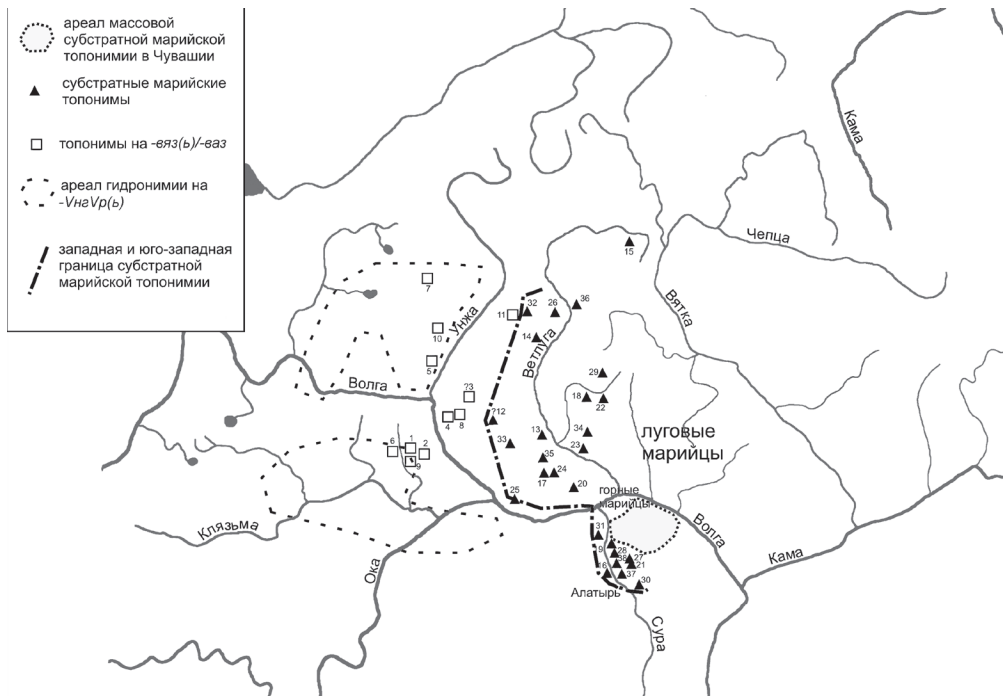
Критерии отнесения этих топонимов к марийским следующие: а) этимологизация как основ, так и формантов топонимов на почве марийского языка; б) типичность названий для марийской топонимии — как с точки зрения используемых лексем, так и с точки зрения словообразовательной структуры топонимов; в) соответствие названий закономерностям исторической фонетики марийского языка; г) неединичность фактов, т. е. возможность их объединения в соответствующий ареал.

Примечательно, что в фонетическом облике некоторых топонимов периферии ареала марийской топонимии обнаруживаются архаичные черты. Приведем примеры, отраженные на современных топографических картах³⁵.

2.1. В бассейне р. Ветлуга

Варбаш, р.; *Варваж*, р. (2 топ.) — ср. мар. диал. *варыш* ‘возвышенность, холм’ [СМЯ, 1, 187; ТРМЭ, 138–139], ф.-уг. **were* (*wōre*) ‘гора’ [UEW, 571] + гидронимический топоформант *-важ*, распространенный в марийской топонимии [ЭСМЯ, 2, 12–14], мар. Г *waž* ‘развилка’ < ф.-перм. **woša* ‘ответвление (реки, дороги)’

³⁵ Ссылки на источники, из которых взяты формы названий, даются в перечне топонимов к карте 2.

Карта 2. Западные и юго-западные границы марийской топонимии

Обозначения на карте:

1. Ваза, р. [АИО, 15]	11. Тумбас, р. [АКО, 161]	22. Левангур, р. [АНО, 57]	32. Солоница, р. (с притоком Вязовик) [АКО, 138, 139]
2. Кохтовязь, р. [Навител], Коятовяз, Кохтовез [Смолицкая, 223]	12. ? Белбаж, р. [АНО, 51]	23. Морьяр, оз. [АНО, 78]	33. Улангерь, н. п. (*р.) [АНО, 62]
3. ? Мормаз, р. [АКО, 193]	13. Варбаши, р. [АНО, 65]	24. Нестиары, н. п. (*оз.) [АНО, 88]	34. Шангур, р. [АНО, 66]
4. Мочевязь, р. [АНО, 48]	14. Варваж, р. [АНО, 27]	25. Нуженка, р. [АНО, 96]	35. Шурговашка, р. [АНО, 77]
5. Пизвас, р. [АКО, 174]	15. Варваж, р. [АНО, 27]	26. Нужна, р. [АКО, 121]	36. Чадра, р. [АКО, 141]
6. Скивяз, р. [Смолицкая, 224]	16. Изерке, оз. [АЧР, 41]	27. Пинерка, р. [АЧР, 28]	37. Три озера рядом: Башатыры, Пушатыры, Керекери [АЧР, 41]
7. Сомбас, р. [АКО, 107]	17. Изьяр, оз. [АНО, 88]	28. Симер, оз. [АЧР, 26]	38. Три озера: Кожан, Б. и М. Шараган [АЧР, 34]
8. Сонбаз, р. [АНО, 48]	18. Кашкендур, р. [АНО, 56]	29. Синчуваж, р. [АНО, 45]	
9. Рачваз, р. (? Ратваз) [Смолицкая, 223]	19. Кащяр, оз. [АЧР, 26]	30. Сменер, р. [АЧР, 49]	
10. Товяз, р. [АКО, 132]	20. Кузьмияр, оз. [АНО, 100]	31. Соларьево, оз. [АЧР, 18]	
	21. Кукаваши, р. [АЧР, 35]		

[EWT, 317; UEW, 825–826]. В основе топонима отражено исконное финно-угорское слово, которое утратилось в марийском языке, но, судя по топонимическим данным, сохранялось в древнемарийских диалектах.

Кашкендур, р. — ср. мар. *кашка*, *кашкы* ‘быстрый, стремительный (о течении)’ [СМЯ, 2, 285] + мар. Г *ӓнгӓр* ‘речка’ [СМЯ, 10, 92]; адаптация *нг > нд* в этом топоформанте встречается часто — см. выше о гидронимах на *-ингVp(ь)*. Обращает на себя внимание лабиализованный *у* в последнем слоге форманта. О том, что этот гласный не является «случайным» и отражает реальный вокализм языка-источника, говорит регулярность *у* в последнем слоге и в других названиях с данным формантом в бассейне р. Уста (пр. р. Ветлуга), локализованных по соседству с топонимом *Кашкендур*: *Левангур*, р., *Люнур*, р., *Шангур*, р. [АНО, 57, 66]. В силу того, что мар. Г *ӓ* восходит к первоначально лабиализованному гласному [см.: Грузов, 1969, 120], с точки зрения исторической фонетики марийского языка в вокализме форманта в названии *Кашкендур* отражена архаичная фонетическая черта.

Солоница, р. (с притоком *Вязовик*) — ср. мар. *шоло* ‘вяз’ [СМЯ, 9, 206], ф.-уг. **śala* ‘вяз’ [UEW, 458] + марийский суффикс прилагательных *-Vн* + русский суффикс *-иц(a)*. В названии, видимо, отражена архаичная форма основы до перехода ф.-уг. **ś* > мар. *ш*; ср. речной гидроним *Синчуваж* (также бассейн р. Уста) [АНО, 45], образованный от основы с архаичной фонетической формой, ср. урал. **šilmä*, мар. *шинча* ‘глаз’ (> в топонимии ‘ключ, источник’ [ТРМЭ, 125; UEW, 479]).

Чадра, р. — ср. мар. Л *чодыра* ‘лес’, мар. Г (диал.) *цадыра* ‘чаща’ [СМЯ, 8, 371–372]. Вокализм корневого гласного горномарийский, однако в начальном *ч* отражен этимологический **č* до перехода его в горномарийском и северо-западном наречиях марийского языка в *ц*. Основа данного топонима ярко дифференцирующая, поскольку исходное слово неизвестно в соседних финно-угорских языках.

2.2. В бассейне р. Сура

Кащяр, оз. (озеро на карте изображено как длинное, вытянутое) — ср. мар. *кужу* ‘длинный’, урал. **kończ* / **kočz* ‘длинный’ + мар. Г *йӓр* ‘озеро’ [СМЯ, 1, 436]. Изменение *кужу-* > *каще-* можно объяснить чувашским посредством и адаптационными изменениями марийского субстрата в чувашском языке: марийский *у* часто адаптируется в чувашском в виде редуцированного *ӓ*, ср. чув. *Кӓканар* < мар. *кузу* ‘большой’ [Иванова, 2005, 142]; скорее всего, это связано с фонетическими процессами в чувашских диалектах, ср. др.-тюрк. *jül* / *jul* ‘источник, ручей’ и этимологически соответствующее ему чув. *çӓл* ‘ключ, источник’ [Там же, 49]; ср. также др.-тюрк. *bulaq* ‘источник, канал’ и соответствующее ему чув. *пул(ак)*, *пӓла* ‘ручей, речка’ [Там же, 16]. В основе *каще-* обращает на себя внимание согласный *ц*, который, видимо, передает чув. *ç* — если это так, то мар. *ж* адаптировался в данном случае не как чув. *ш*, а как *ç* — следовательно,

в местном древнемарийском диалекте соответствующий звук мог еще сохранять свою этимологическую мягкость.

Кукаваш, р. — ср. мар. Г *кого*, мар. Л *кузу* ‘большой’, ф.-волж. **kokz* ‘большой’ [UEW, 670] + марийский топоформант *-важ* (> *-ваи*) (см. выше). Считается, что мар. Г *о* в слове *кого* возникло из прамар. **и*, ср. прамар. **ku-γz* ‘большой’ [EWT, 86]. Если это так, то в названии *Кукаваш*, по сравнению с горномарийскими данными, отражено более древнее состояние вокализма. Взрывной интервокальный *к* по сравнению с современным марийским звонким фрикативным в этом слове (орфографически *г*) отражает адаптационное воздействие чувашского языка, для которого интервокальные звонкие шумные инородны.

Симер, оз., *Сменер*, р. — ср. мар. Л *шем(е)*, мар. Г *шим(йи)* ‘черный’ [СМЯ, 9, 80], прамар. **sim* ‘черный’ [EWT, 224] + мар. *ер* ‘озеро’ [СМЯ, 1, 436], мар. *энер* ‘река, речка’ [СМЯ, 10, 92]. Этимологию гидронима *Сменер* подтверждает вероятная метонимическая калька: эта речка впадает в р. *Чёрная Бездна* (пр. р. *Бездна*) [АЧР, 49]. В приведенных названиях отражена архаичная форма основы до перехода этимологического **s* > мар. *ш*.

Соларьево, оз. — ср. мар. *шоло* ‘вяз’, мар. Г *йяр* ‘озеро’ + русский суффикс *-ев(о)*. В этом случае также отражена архаичная форма основы до перехода этимологического **š* > мар. *ш*.

Башатыры, оз., *Керекери*, оз., *Пушатыры*, оз. — очень интересный комплекс из трех озер на правом берегу Суры немного ниже г. Алатырь. В связи с названием *Башатыры* ср. мар. *ваштар* ‘клен’ [СМЯ, 1, 201–202], ф.-волж. **wakštzre* (**wokštzre*) ‘клен’ [UEW, 812]; формант, видимо, эллиптирован. Для лимнонима *Пушатыры* ср. мар. *писте* ‘липа’ [СМЯ, 5, 122], ф.-волж. **päkšnā* ‘липа’ [UEW, 726] + мар. *ер* ‘озеро’; в этом примере отметим сохранение этимологического **š*, а также лабиализацию этимологического корневого гласного, что, возможно, было характерно для древних марийских диалектов правобережья Волги [см.: Смирнов, 2014, 19–20]). Что касается лимнонима *Керекери*, то в нем отмечается тот же, что и в названии *Пушатыры*, формант, соответствующий мар. *ер* ‘озеро’; основу возможно сопоставить с мар. *курык* ‘гора’ [СМЯ, 3, 160], хотя географических подтверждений для этого сопоставления обнаружить пока не удалось. В целом анализируемая группа лимнонимов примечательна сохранением конечного гласного форманта, что может являться архаичным фонетическим признаком, ср. ф.-волж. **järwä* ‘озеро’ [UEW, 633].

Мы не возьмем на себя смелость назвать приведенные выше топонимы прамарийскими, однако их архаичный фонетический облик позволяет говорить о древнемарийском топонимическом ареале.

В ходе дальнейших исследований представленные факты могут быть дополнены и уточнены, но на приведенной карте 2 уже видны основные границы этого древнемарийского ареала. На юге в Чувашии он доходит до окрестностей г. Алатырь (*Сменер*, р., *Башатыры*, оз., *Керекери*, оз., *Пушатыры*, оз.), где марийский субстрат

чередуются с мордовским. На левобережье Суры марийские топонимы выклиниваются и встречаются только в непосредственной близости от поймы Суры.

Это весьма важные наблюдения, которые свидетельствуют о том, что в древности марийцы и мордва могли контактировать, и происходило это именно в бассейне Суры, ниже впадения р. Алатырь. При этом, по всей видимости, марийцы жили по правой стороне Суры и на левую сторону практически не переходили, а мордва двигалась с запада на восток из междуречья Оки и Суры с левого берега Суры на правый. Есть признаки того, что в этом своем движении мордовское население кое-где могло сменить марийцев и затем само было ассимилировано пришедшими чувашами и русскими, т. е. марийские топонимы в некоторых случаях представляют собой своего рода субстрат, например: *Изерке*, оз. (Чуваш.) — в этом названии мордовский формант *-ерке* (морд. Э эрьке ‘озеро’ [ЭС, 259]) присоединяется к первоначальной марийской основе *из-* (мар. *изи* ‘маленький’), т. е. имеет место марийско-мордовская полукалька; *Сменер*, р. — исчезновение гласного в первом слоге могло произойти при мордовском посредстве (этимологию см. выше), так как подобный процесс выпадения гласных с образованием стечения согласных в начале слова из всех финно-угорских языков наблюдается только в мордовском.

На правобережье Волги выше Суры в Нижегородской области марийских топонимов нами не обнаружено. А вот на левобережье, в междуречье Ветлуги и Унжи, они есть и формируют западную границу марийской топонимии (см. карту 2). Крайней западной точкой распространения марийской топонимии является название *Улангерь*, н. п. (*р.) в бассейне р. Кержанец с отчетливыми горномарийскими языковыми чертами, ср. мар. Г *у́л* ‘нижний’ [СМЯ, 8, 172]³⁶ + мар. Г *а́нгьир* ‘речка’. Фиксация этого топонима в бассейне р. Кержанец позволяет предложить древнемарийскую версию этимологии названия одного из верхних притоков р. Кержанец: *Белбаж*, р. — ср. ф.-уг. **wilä* (*wülä*) ‘верхний’, морд. *vel'ks* ‘лежащее сверху, верхнее’ [UEW, 573] + марийский топоформант *-важ* (букв. «верхний приток»); отражение марийского билабиального *w* в виде *б* — обычное явление при русской адаптации. В современном марийском языке для обозначения понятия «верхний» употребляется слово *кушыл*, а приведенное выше финно-угорское слово **wilä* (*wülä*) сохранилось в горномарийском только в корне наречия *вёлньи* ‘наверху’. В связи с этим можно предположить, что в языке древних марийцев исконное финно-угорское слово со значением ‘верхний’, родственное мордовскому корню *вель-* со значением ‘верхний’, еще сохранялось и только потом исчезло³⁷. Впрочем, справедливости ради

³⁶ Обычно современный марийский звук *у́* передается русским *и*, т. е. на месте мар. **У́лангы́р* ожидалось бы рус. **Илангы́р*, однако в данном случае мы можем иметь дело с хронологически более ранними процессами — например, с адаптацией старорусским языком какого-то древнемарийского диалекта, в котором звук, соответствующий современному марийскому *у́*, мог адаптироваться и как русское *у*.

³⁷ Название реки *Белбаж* и мар. Г *вёлньи* позволяют усомниться в реконструкции П. Рахконеном соответствующего древнемарийского слова со значением ‘верхний’ в форме **il-* [Рахконен, 2012, 15].

необходимо заметить, что вокализм основы *бел-* не является прамарийским (ср. прамар. **wül-* [EWT, 311]), а, скорее, соответствует мордовским данным. Такие фонетические «странности» характерны для границ древнего языкового ареала. Вероятнее всего, в подобных топонимах отражаются черты исчезнувших древнемарийских диалектов, сохранявших, по правилу боковых ареалов, некоторые архаичные черты (в данном случае отсутствие лабиализации корневого гласного). Такие топонимы, как *Белбаз*, с их фонетическими «странностями», с точки зрения марийской фонетики, как раз и могут маркировать западную границу древнемарийской топонимии.

К западу от границы марийской субстратной топонимии бассейна среднего и нижнего течения Ветлуги обращает на себя внимание узкая полоса топонимов с топоформантом *-вязь* (*-ваз/-баз*), родственным горномарийскому гидроформанту *-важ* (см. карту 2 и табл. 7).

Таблица 7

Топонимы ³⁸	Этимология	Марийский язык
<i>-вязь(ь)</i> : <i>Кохтовязь</i> , р., пр. р. Кохто- вец <i>Мочевязь</i> , р., пр. р. Моча <i>Товязь</i> , р., пр. р. Тожига	ф.-перм. * <i>woša</i> ‘ответвление (реки, дороги)’ [UEW, 825–826]	мар. Г <i>waž</i> ‘развилка’ [EWT, 317; UEW, 825–826]
<i>Кохтовязь</i> , р.	ф.-уг. * <i>kakta</i> / <i>käktä</i> ‘два’ [UEW, 118] (> ‘второй’) или ф.-перм. * <i>koksэ</i> ‘сухой’ [Ibid., 670]	мар. <i>кок(ыт)</i> ‘два’ [СМЯ, 2, 380] или мар. Л <i>кукшо</i> , Г <i>кукшы</i> ‘сухой’ [СМЯ, 3, 108]
<i>Сонбаз</i> , р.	ф.-уг. * <i>sawe</i> ‘глина’ [UEW, 468]	мар. <i>шун</i> ‘глина’ [СМЯ, 9, 337]

В формах топонимов на *-вязь* (*-ваз/-баз*), как и в случае с формантом *-VнгVр(ь)*, заметны и безусловное родство, и существенные отличия субстратных диалектов на территориях, прилегающих к низовьям Унжи и Оки, от собственно марийского языка. При этом стоит отметить, что гидронимы на *-вязь(ь)* ареально противопоставлены гидронимии на *-VнгVр(ь)*. Эти гидронимы проходят по восточной границе ареала *-VнгVр(ь)* (см. карту 2) и могли принадлежать другому диалекту, который характеризовался переходными чертами между собственно прамарийским языком и субстратными диалектами низовий Оки и западной части Костромской области.

³⁸ Ссылки на источники, из которых взяты формы топонимов, даются в перечне топонимов к карте 2.

3. В качестве заключения

Этническое моделирование топонимии западной части Костромской области и Оки на предмет наличия в ней следов марийского языка показывает, что субстратные диалекты этих территорий не были марийскими или прамарийскими. Более того, проблематично говорить и о каком-либо марийском суперстрате западнее бассейна р. Кержанец. Вместе с тем есть основания предполагать достаточно близкое родство субстратных диалектов исследуемой территории с марийским (прамарийским) языком. Близким родством объясняется и общность некоторых топонимических типов, прежде всего гидронимов на *-VнзVр(ь)*. При этом нужно считаться с возможной многослойностью субстратной топонимии, прежде всего на территории ЗКО: абorigенные диалекты, близкородственные марийскому, пришлые мерянские диалекты из ЦМЗ, прибалтийско-финский суперстрат и т. д. Но в любом случае — это не марийцы.

Отсутствие марийского субстрата в топонимии Оки и Унжи заставляет поставить под сомнение этногенетические версии западного происхождения марийцев и прихода их на территорию Марий Эл из приокских областей городецкой и дьяковской археологических культур. Единственным местом южнее и западнее Марий Эл, которое с точки зрения топонимических данных не противоречит тому, чтобы считаться прародиной марийцев, является правобережье нижнего течения р. Сура (современная территория Горномарийского района Марий Эл и северная часть Чувашии), а также бассейн среднего и нижнего течения р. Ветлуга. Тем самым существенных сдвигов в расселении марийцев по сравнению с началом нашей эры, скорее всего, не произошло.

Как показало ранее проведенное автором данной статьи исследование топонимии Марий Эл [Смирнов, 2013; 2014], в бассейне Вятки марийцы перекрыли (? ассимилировали) какие-то родственные диалекты, возможно, переходные между волжско-финскими и пермскими языками. В результате этноязыковая картина прошлого в бассейне среднего течения Волги приобретает вполне определенные черты. Между ананьинской (протопермской) в бассейне Камы и городецкой (протомордовской) в бассейне Оки общностями в I тыс. до н. э. в среднем течении Волги сформировались родственные диалекты, которые условно можно назвать *с р е д н е в о л ж с к и м и*. Скорее всего, речь может идти об определенной лингвистической непрерывности, крайними полюсами которой в бассейне Волги были диалекты, давшие в I тыс. н. э. прамордовский и прапермский языки. Помимо диалектов костромского, нижнеклязьминского и вятского топонимических субстратов, которые исчезли, к потомкам этих средневожских диалектов, очевидно, относился и прамарийский язык (см. карту 2, которая может характеризовать ареал и языковые различия средневожских диалектов).

Помимо лингвистической непрерывности между прапермским и прамордовским ареалами, очевидно, существовала и непрерывность между двумя другими

полюсами: прамордовским, с одной стороны, и прасаамским, с другой. Средневожские диалекты могли образовывать звено переходных наречий и между этими полюсами. В топонимии Костромской области на территории ЗКО обнаруживаются достаточно яркие топонимические факты, похожие на саамские³⁹. В связи с этим требует отдельного изучения вопрос о соотношении средневожских диалектов и так называемых «севернофинских», выявленных и проанализированных А. К. Матвеевым на примыкающих территориях Вологодской области, которые демонстрируют тесное языковое родство с саамским языком. Возможно, различия между «севернофиннами» бассейна Сухоны и «средневожцами» в языковом отношении в действительности были не такими уж большими, отсюда замеченная А. К. Матвеевым возможность интерпретировать многие «севернофинские» топонимические факты из марийского языка.

Такая реконструкция может иметь существенное значение в решении некоторых проблем этногенеза финских народов. Встречающееся иногда размещение прапермян на Вятке и Ветлуге, а прамарийцев на Оке и Унже основано в большей степени на стремлении заполнить определенные пустоты на древней карте расселения народов и обозначить направление миграций древних финно-угорских народов с запада на восток. В то же время последовательное и системное изучение топонимии все больше заставляет предполагать, что никаких пустот не было, а были исчезнувшие переходные диалекты. В этой связи и масштабность финно-угорских миграций с запада на восток весьма сомнительна, за исключением достаточно поздних (в Средние века и позднее) прибалтийско-финских миграций.

Сказанное имеет важное значение и для изучения языка центральной мери. Исходя из ее исторической локализации (Ярославская и Владимирская области), можно предполагать, что язык центральной мери должен был сформироваться на базе диалектов, переходных между прамордовским и прасаамским языками, если только центральная мера не пришла откуда-нибудь издалека, поскольку то, что она была пришлым для этих мест населением, явно следует из выводов археологов [см.: Леонтьев, 1996, 292–294]. Возможно, мерянский язык относился к кругу средневожских или севернофинских языков. На вопрос о том, какие черты в нем преобладали — мордовские, саамские или марийские, — можно ответить лишь с помощью системного исследования топонимии центральной мери.

³⁹ Мы пока ограничимся только констатацией этого факта без приведения примеров, которые заслуживают отдельного рассмотрения.

- Грузов Л. П.* Историческая грамматика марийского языка. Введение и фонетика. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1969.
- Даль В. И.* Толковый словарь живого великорусского языка. М. : Рус. яз., 1989. Т. 1–4.
- Иванова А. С.* Типология чувашских гидронимов : дис. ... канд. филол. наук / Чуваш. гос. ун-т. Чебоксары, 2005.
- Казанцев Д. Е.* Формирование диалектов марийского языка (в связи с происхождением марийцев). Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1985.
- Леонтьев А. Е.* Археология мери. К предыстории Северо-Восточной Руси. М. : Геоэко, 1996.
- Матвеев А. К.* Конгора и Янгора // Финно-угорское наследие в русском языке : сб. науч. тр. / отв. ред. А. К. Матвеев. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2000. Вып. 1. С. 156–158.
- Матвеев А. К.* Мерянская проблема и лингвистическое картографирование // Вопр. языкознания. 2001. № 5. С. 32–59.
- Матвеев А. К.* Ономастология. М. : Наука, 2006.
- Матвеев А. К.* Субстратная топонимия Русского Севера. Ч. 3. Екатеринбург : Изд-во Урал. ун-та, 2007.
- Матвеев А. К.* Мерянские дендротопонимы как лингвоэтнический индикатор // Finnisch-ugrische Mitteilungen / hrsg. von V. Ju. Gusev, A. Widmer. Bd. 32/33. Hamburg : Helmut Buske Verlag, 2010. S. 437–445.
- МокшРС — Мокшанско-русский словарь / под ред. Б. А. Серебренникова, А. П. Феоктистова, О. Е. Полякова. М. : Рус. яз. : Дигора, 1998.
- Напольских В. В.* Введение в историческую уралистику. Ижевск : Удмурт. ин-т ист., яз. и лит. УрО РАН, 1997.
- Попов А. И.* К вопросу о мордовской топонимике // Советское финно-угроведение. Филологические доклады. Т. 2 / отв. ред. Д. В. Бубрих. Саранск : Мордов. кн. изд-во, 1948. С. 203–230.
- Рахконен П.* Границы распространения мерянско-муромских и древнемордовских гидронимов в верховьях Волги и бассейне реки Оки // Вопр. ономастики. 2012. № 1 (12). С. 5–42.
- СГМЯ — *Саваткова А. А.* Словарь горномарийского языка. 2-е изд., перераб. и доп. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 2008.
- Смирнов О. В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения Вятки (в свете интерпретации археологических культур). 1 // Вопр. ономастики. 2013. № 2 (15). С. 7–59.
- Смирнов О. В.* К вопросу о пермском топонимическом субстрате на территории Марий Эл и в бассейне среднего течения Вятки (в свете интерпретации археологических культур). 2 // Вопр. ономастики. 2014. № 1 (16). С. 7–33.
- Смолицкая Г. П.* Гидронимия бассейна Оки. М. : Наука, 1976.
- СМЯ — Словарь марийского языка : в 10 т. / гл. ред. И. С. Галкин. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1990–2005.
- СТРС IV — Материалы архива А. К. Матвеева «Субстратная топонимия Русского Севера. IV» (предоставлены Т. В. Матвеевой).
- ТРМЭ — *Воронцова О. П., Галкин И. С.* Топонимика Республики Марий Эл: историко-этимологический анализ. Йошкар-Ола : Изд-во Мар. полиграфкомбината, 2002.
- ТЭ — Картотека Топонимической экспедиции УрФУ (кафедра русского языка и общего языкознания УрФУ, Екатеринбург).
- Фасмер М.* Этимологический словарь русского языка : в 4 т. М. : Прогресс, 1986–1987.
- Федотов М. Р.* Заметки о финно-угорских элементах в некоторых географических названиях Чувашии // Советское финно-угроведение. 1970. № 2. С. 131–134.
- Халиков А. Х.* Основы этногенеза народов Среднего Поволжья и Приуралья. Казань : Ин-т ист. им. Ш. Марджани АН РТ : Фолиант, 2011.
- ЭРС — Эрзянско-русский словарь / под ред. Д. В. Бубриха. М. : Гос. изд-во иностр. и нац. словарей, 1949.
- ЭСМЯ — *Гордеев Ф. И.* Этимологический словарь марийского языка : в 2 т. Йошкар-Ола : Мар. кн. изд-во, 1979–1983.

- EWT — *Bereczki G.* Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz / hrsg. von K. Agyagási und E. Winkler. Wiesbaden : Harrassowitz, 2013.
- Keresztes L. Geschichte des mordwinischen Konsonantismus. II. Etymologisches Belegmaterial. Szeged : Universitas Szegediensis de Attila József Nominata, 1986.
- UEW — *Rédei K.* Uralisches etymologisches Wörterbuch. Bd. 1–2. Budapest, 1986–1991.
- YS — *Lehtiranta J.* Yhteissaamelainen sanasto. Helsinki : Suomalais-Ugrilainen Seura, 1989.

Картографические источники:

- АВО — Атлас Владимирской области. Масштаб 1 : 100 000. Тверь : Ультра Экстент : Роскартография, 2008.
- АИО — Топографическая карта. Ивановская область. Масштаб 1 : 200 000. ВТУ ГШ — топографическая основа. М. : 439 ЦЭВКФ, 1997, 2001.
- АКО — Атлас Костромской области + Горьковское водохранилище. Масштаб 1 : 100 000. Тверь : Ультра Экстент : Роскартография, 2009.
- АМЭ — Республика Марий Эл. Атлас. Масштаб 1 : 100 000. Екатеринбург : Уралаэрогеодезия : Роскартография, 2009.
- АНО — Нижегородская область. Атлас. Масштаб 1 : 100 000. Нижний Новгород : Вехневолж. аэрогеодез. предприятие : Роскартография, 2007, 2008.
- АРО — Атлас Рязанской области. Масштаб в 1 см : 1 км. Тверь : Ультра Экстент : Роскартография, 2007.
- АЧР — Чувашская Республика — Чувашия. Атлас. Масштаб 1 : 100 000. Екатеринбург : Уралаэрогеодезия : Роскартография, 2009.
- АЯО — Атлас Ярославской области. Масштаб в 1 см : 1 км. Картографическая основа: М-во эконом. развития Российской Федерации. Федер. служба гос. регистрации, кадастра и картографии. 2010. Атлас подгот. к переизд. ООО «Ультра Экстент» в 2009–2010 гг.
- Навител — Карта России программного продукта «Navitel» [Электронный ресурс].
- ТК100 — Топографическая карта. Масштаб 1 : 100 000.

Рукопись поступила в редакцию 28.03.2015

СОКРАЩЕНИЯ

В названиях языков и диалектов

домар.	домарийская праформа	перм.	пермский праязык
доморд.	домордовская праформа	прамар.	прамарийский язык
др.-мар.	древнемарийский язык	праперм.	прапермский язык
др.-тюрк.	древнетюркский язык	прасаам.	прасаамский язык
костр.	костромские говоры языка	праугор.	угорский праязык
мар.	марийский язык	рус.	русский язык
мар. Г	горномарийское наречие марийского языка	саам.	саамский язык
мар. Л	луговое наречие марийского языка	саам. кильд.	кильдинский диалект саамского языка
морд.	мордовский язык	урал.	уральский праязык
морд. М	мокшанское наречие мордовского языка	ф.-волж.	финно-волжский праязык
морд. Э	эрзянское наречие мордовского языка	фин.	финский язык
		ф.-перм.	финно-пермский праязык
		ф.-уг.	финно-угорский праязык
		чув.	чувашский язык
		эст.	эстонский язык

В названиях административных единиц		В названиях географических объектов	
Влад.	Владимирская область	н. п.	населенный пункт
Влг.	Вологодская область	пр.	приток
Иван.	Ивановская область		
Костр.	Костромская область	Прочие	
Нижег.	Нижегородская область	п.	папка
Чуваш.	Чувашская Республика	топ.	топоним
Яр.	Ярославская область	суф.	суффикс

* * *

Смирнов Олег Витальевич

кандидат филологических наук,
начальник Центра управления проектами
ЗАО «РСГ-Академическое»
620016, Екатеринбург, ул. Павла Шаманова,
д. 22, комн. 221; тел. +7 912 242 06 57
E-mail: ovsmirnov@mail.ru

Smirnov, Oleg Vitalyevich

PhD, head of the Project Development Centre,
JSC “RSG-Akademicheskoye”
22, Pavel Shamanov st., office 221,
620016, Ekaterinburg
tel. +7 912 242 06 57
E-mail: ovsmirnov@mail.ru

THE “MARI” HYPOTHESIS IN THE STUDY OF THE TOPONYMY OF THE OKA AND UNZHA RIVERS AND THE WESTERN BORDERS OF THE OLD MARI TOPONYMIC AREA

Referring to toponymic data, the article aims to verify the hypothesis of the western origin of the Mari people who, presumably, migrated to their present-day settlement area from the territory of Kostroma Region and the Oka River basin. The author critically examines the possibility of Mari origin of some place names in the territory in question, namely, of hydronyms ending in *-ingir'*. To verify the “Mari” hypothesis, the author uses the method of ethnic modelling which consists in the isolation of typical toponymic stems in present-day Mari toponymy and searching for their traces in the substrate toponymy of the studied area. The analysis leads to conclude that it is unlikely that the toponymy of the western part of Kostroma Region and the Oka River basin could be of Mari origin. The area of distribution of typical Mari place names does not display any evidence of Mari substrate or superstrate to the west of the Kerzhanets River basin. On the Western bank of the Volga, some traces of substratal Mari toponymy can be found along the banks of the Sura River as far as the city of Alaty, however, no Mari “residue” can be found west of the Sura. The absence of Mari substrate in the toponymy of the Oka and Unzha Rivers area makes it possible to refute the hypothesis of the western origin of the Mari and their migration from the area of Gorodets and Dyakovo archaeological cultures. At the same time, the study of phonetic correspondences reflected in place names reveals evidence of close kinship of the substratal dialects of Western Kostroma Region, the low Oka and Klyazma Rivers area with the Mari (Proto-Mari) language.

Key words: Finno-Ugric languages, Volga Finnic languages, Mari language, Mari substrate toponymy, Kostroma Region, Volga-Oka interfluvial area, etymology, ethnogenesis of the Mari, Merya, Gorodets culture, Dyakovo culture.

- Bereczki, G. (2013). *Etymologisches Wörterbuch des Tscheremissischen (Mari). Der einheimische Wortschatz* [An Etymological Dictionary of the Mari Language. The Inherited Lexicon]. Wiesbaden: Harrassowitz.
- Bubrikh, D. V. (Ed.). (1949). *Erziansko-russkii slovar'* [The Erzya-Russian Dictionary]. Moscow: Gosudarstvennoe izdatel'stvo inostrannykh i natsional'nykh slovarei.
- Dal, V. I. (1989). *Tolkovyi slovar' zhivogo velikoruskogo iazyka* [The Explanatory Dictionary of the Live Great Russian language]. (Vols. 1–4). Moscow: Russkii iazyk.
- Fasmer, M. (1986–1987). *Etimologicheskii slovar' russkogo iazyka* [The Etymological Dictionary of the Russian Language]. (Vols. I–IV). Moscow: Progress.
- Fedotov, M. R. (1970). Zаметki o finno-ugorskikh elementakh v nekotorykh geograficheskikh nazvaniakh Chuvashii [Notes on Finno-Ugric Elements in Some Geographical Names of the Chuvashia]. In *Sovetskoe finno-ugrovedenie*, 2, 131–134.
- Galkin, I. S. (Ed.). *Slovar' mariiskogo iazyka* [A Dictionary of the Mari Language]. (1990–2005). (Vols. 1–10). Yoshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo.
- Gordeyev, F. I. (1979–1983). *Etimologicheskii slovar' mariiskogo iazyka* [An Etymological Dictionary of the Mari Language]. (Vols. 1–2). Yoshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo.
- Gruzov, L. P. (1969). *Istoricheskaia grammatika mariiskogo iazyka. Vvedenie i fonetika* [Historical Grammar of the Mari Language. Introduction and Phonetics]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Ivanova, A. S. (2005). *Tipologiya chuvashskikh gidronimov* [Typology of Chuvash Hydronyms] (Doctoral dissertation). Cheboksary: Chuvash State University.
- Kazantsev, D. E. (1985). *Formirovanie dialektov mariiskogo iazyka (v svyazi s proiskhozhdeniem mariitsev)* [The Formation of the Mari Dialects and the Ethnogenesis of the Mari]. Yoshkar-Ola: Mariiskoe knizhnoe izdatel'stvo.
- Keresztes, L. (1986). *Geschichte des mordwinischen Konsonantismus* [The History of Mordvinian Consonantism] (Vol. 2). Szeged: Universitas Szegediensis de Attila Jósef Nominata.
- Khalikov, A. Kh. (2011). *Osnovy etnogeneza narodov Srednego Povolzh'ia i Priural'ia* [Basics of the Ethnogenesis of the Peoples of the Middle Volga Region and the Western Urals]. Kazan: Institut istorii im. Sh. Mardzhani AN RT, Foliant.
- Lehtiranta, J. (1989). *Yhteissaamelainen sanasto* [The Common Sami Dictionary]. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura.
- Leontyev, A. E. (1996). *Arkheologiya meri. K predystorii Severo-Vostochnoi Rusi* [The Archaeological Study of the Merya. On the Pre-History of North-Eastern Russia]. Moscow: Geoeko.
- Matveyev, A. K. (2000). Kongora i Iangora [Kongora and Yangora]. In A. K. Matveyev (Ed.), *Finno-ugorskoe nasledie v russkom iazyke : sb. nauch. tr* [Finno-Ugric Legacy in the Russian Language. A Collection of Articles]. (Vol. 1, pp. 156–158). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Matveyev, A. K. (2001). Merianskaia problema i lingvisticheskoe kartografirovaniye [The Merya Problem and Linguistic Mapping]. *Voprosy yazykoznaniya*, 5, 32–59.
- Matveyev, A. K. (2006). *Onomatologiya* [Onomatology]. Moscow: Nauka.
- Matveyev, A. K. (2007). *Substratnaya toponimiya Russkogo Severa* [Substrate Toponymy of Russian North] (Vol. 3). Ekaterinburg: Izd-vo Ural. un-ta.
- Matveyev, A. K. (2010). Merianskie dendrotoponimy kak lingvoetnicheskii indikator [Merya Dendrotoponyms as a Linguistic Indicator]. In V. Ju. Gusev & A. Widmer (Eds.), *Finnisch-ugrische Mitteilungen* (pp. 437–445). Hamburg: Helmut Buske Verlag.
- Napolskikh, V. V. (1997). *Vvedenie v istoricheskuiu uralistiku* [An Introduction to the Historical Uralic Studies]. Izhevsk: Udmurtskii institut istorii, iazyka i literatury UrO RAN.
- Popov, A. I. (1948). K voprosu o mordovskoi toponimike [On Mordvinian Toponymy]. In D. V. Bubrikh (Ed.), *Sovetskoe finno-ugrovedenie. Filologicheskie doklady* [Soviet Finno-Ugric Studies. Philological Investigations] (Vol. 2, pp. 203–230). Saransk: Mordovskoe kn. izd-vo.

- Rahkonen, P. (2012). Granitsy rasprostraneniia meriansko-muromskikh i drevnemordovskikh gidronimov v verkhov'iakh Volgi i basseine reki Oki [Merya-Muromian and Old Mordvin Hydronyms Boundaries in the Upper Volga and Oka Regions]. *Voprosy onomastiki*, 1 (12), 5–42.
- Rédei, K. (1986–1991). *Uralisches etymologisches Wörterbuch* [The Uralic Etymological Dictionary]. (Vols. 1–2). Budapest.
- Savatkova, A. A. (2008). *Slovar' gornomariiskogo iazyka* [A Dictionary of the Hill Mari Language] (2nd ed.). Yoshkar-Ola: Mariiskoe kn. izd-vo.
- Serebrennikov, B. A., Feoktistov, A. P., & Poliakov, O. E. (Eds.). (1998). *Mokshansko-russkii slovar'* [The Moksha-Russian Dictionary]. Moscow: Russkii iazyk, Digora.
- Smirnov, O. V. (2013). K voprosu o permskom toponimicheskom substrate na territorii Marii El i v basseine srednego techeniia Viatki (v svete interpretatsii arkhеologicheskikh kul'tur). 1 [On the Permic Toponymic Substrate in Mari El and in the Middle Course of the Vyatka River (In the Light of the Ethnic Interpretation of Archaeological Cultures). 2]. *Voprosy onomastiki*, 2 (15), 7–59.
- Smirnov, O. V. (2014). K voprosu o permskom toponimicheskom substrate na territorii Marii El i v basseine srednego techeniia Viatki (v svete interpretatsii arkhеologicheskikh kul'tur). 2 [On the Permic Toponymic Substrate in Mari El and in the Middle Course of the Vyatka River (In the Light of the Ethnic Interpretation of Archaeological Cultures). 2]. *Voprosy onomastiki*, 1 (16), 7–33.
- Smolitskaya, G. P. (1976). *Gidronimiia basseina Oki* [Hydronymy of the Oka River Basin]. Moscow: Nauka.
- Vorontsova, O. P., & Galkin, I. S. (2002). *Toponimika Respubliki Marii El: istoriko-etimologicheskii analiz* [The Toponymy of Mari El: A Historical and Etymological Analysis]. Yoshkar-Ola: Izdatel'stvo Mariiskogo poligrafkombinata.

Received 28 March 2015

Приложение

Типовые марийские топонимы ¹	Примеры в марийской топонимии ²	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
Л <i>ваки</i> Г <i>вэйки</i> 'мельница'	<i>Ваки Ер</i> , оз. <i>Вэйкилал</i> , н. п.	?	<i>Бокиенка</i> , р. [АКО, 78]	—	1) Близ устья р. <i>Бокиенка</i> есть ур. <i>Афонинская мельница</i> [АКО, 79]. 2) Ср.: <i>Вокшинка</i> , р. (Яр.) [АКО, 162] в ЦМЗ в непосредственной близости от ЗКО
<i>ваитар</i> 'клен'	<i>Ваитар Күрык</i> , возв.	прамар. * <i>woštar</i> [EWT, 308], ф.-волж. * <i>wakštare</i> (* <i>wokštare</i>) 'клен' [UEW, 812]	<i>Востыр</i> , р. [АКО, 122] <i>Востырь</i> , р. [Там же, 124]	<i>Вастрома</i> , н. п. [АНО, 116] <i>Ватаракша</i> , р. [Там же, 70]	Ср.: <i>Б. Вострокса</i> , р. (Влг.) [АКО, 26]; <i>Востра</i> , р. (Иван.) [Там же, 12] в непосредственной близости от ЗКО
<i>вес</i> 'другой, за'	<i>Вессола</i> , н. п. <i>Весиүргө</i> , н. п.	?	—	—	
<i>вүд</i> 'вода'	<i>Вүдэнгер</i> , р.	прамар. * <i>wiit</i> [EWT, 323], ф.-уг. * <i>wete</i> 'вода' [UEW, 570]	—	—	1) В ЗКО, по мнению А. К. Матвеева, активно употреблялась другая основа с этим значением: <i>иач(а)</i> - [СТРС, IV, п. 2, л. 30–32], ср. ф.-уг. ? * <i>šāšā</i> 'вода' [UEW, 469]. 2) В качестве форманта выступает в топонимах бассейна Оки выше г. Муром: <i>Сноведь</i> , р. [АВО, 105], <i>Суводь</i> , р. [АНО, 141], там же <i>Вит</i> , оз. [АВО, 101] и <i>Вите-рево</i> , оз. [Там же, 105]

¹ Марийские формы слов даются по словарю [СМЯ].² Топонимы в марийских формах даются в основном по словарю [ТРМЭ].

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
Л ер Г йёр 'озеро'	Ердёр, н. п. Ерика, р. Эрекиа, р.	прамар. *jer [EWT, 29], < ? *jagr / *jagr 'озеро' [Матвеев, 2001, 289]	Яхр-	Юх(о)р- ? Еров- ское, оз. [АНО, 82]	
изи 'маленький'	Изи Ер, оз. Изияр, оз. Изнур, н. п.	прамар. *ic3 [EWT, 27], ф.-перм. *ic3 (ic3) 'мало, ма- ленький' [UEW, 78]	? Узакса, р. [АКО, 145]	Учхор, оз. [АВО, 44] Уча, р. [Смо- лицкая, 227]	1) Оз. Учхор действительно маленькое, не- далеко от него вниз по течению р. Юхоред расположено оз. <i>Великое</i> [АВО, 44]. 2) Ср. в ЦМЗ: <i>Исахра</i> , р. (*оз.) [АВО, 36], <i>Исахра</i> , оз. [Там же, 55] ³ , <i>Уча</i> , р. [АЮ, 39]; к востоку от ЗКО: <i>Ичуг</i> , р. [АКО, 88], <i>Верх</i> . и <i>Ниж. Ичужа</i> , р. [Там же, 60]. 3) В НКЗ возможно употребление также и другой основы: <i>Вышхры</i> , оз. [АВО, 57], <i>Верх</i> и <i>Ниж. Вышхры</i> , оз. [Там же, 57], ср. морд. Э <i>veška</i> , <i>viška</i> , ф.-волж. *wāšā 'маленький' [UEW, 818], ср. также в ЦМЗ <i>Вежболово</i> , н. п. [АВО, 54]
Г йакты 'сосна' Г йактер 'сосняк' [СГМЯ, 60]	Йактйнсола, н. п. Яктэнер, р. Йактерлэ, н. п.	? заимств. из перм. < ф.-уг. *jakk3 'сосно- вый, еловый лес' [UEW, 88]	? Яхня, р. [АКО, 106] ? Яхныш, р. [ТЭ] ? Яхноболь, н. п. [АКО, 126]	—	На исследуемой территории в значении 'сосна' употребительна была основа <i>леч-</i> (см. ниже)

³ Озеро, из которого вытекает р. *Исахра*, действительно очень маленькое. Что касается оз. *Исахра*, то посредством р. Бужа оно связано с системой *Великих озер* на границе Владимирской, Рязанской и Московской областей. В этой системе оно действительно маленькое и противостоит *Великим*, т. е. «большим» озерам.

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
Л <i>йўксõ</i> Г <i>йўксы</i> 'лебедь'	<i>Йўксыер</i> , оз. <i>Юкшер</i> , оз.	прамар. * <i>juksə</i> [EWT, 39], ф.-перм. * <i>juksə</i> ~ * <i>juksə</i> 'лебедь' [UEW, 101]	—	? <i>Юкша</i> , р. (2 топ.) [АВО, 23; Нател]	Обе реки <i>Юкша</i> являются истоками из озера, поэтому с учетом нижнеклязьминской лабиализации эти названия лучше сопоставлять с мар. <i>икса</i> 'проток'
Л <i>йошкар</i> Г <i>якиар</i> 'красный'	<i>Йошкар-энер</i> , р. <i>Йакиар</i> <i>Анвйр</i> , р. <i>Якиарсир</i> , н. п.	домар. и доморд. * <i>jakšarə</i> 'красный' [Keresztes, 43]	—	—	Ср.: <i>Яксура</i> , р. (Яр.) [АЯО, 89] в ЦМЗ
Л <i>йўлаш</i> Г <i>йылаш</i> 'гореть', <i>йўллиш</i> 'горелый' [ТРМЭ, 99]	<i>Йўледур</i> , н. п. <i>Йўллиэнер</i> , р. <i>Йылеййал</i> , н. п.	?	? <i>Елашовка</i> , р. [АКО, 167]	—	В ЗКО, ЦМЗ и НКЗ есть другая основа с этим значением: <i>пал-</i> (<i>Палама</i> [АКО, 194], <i>Палома</i> [Там же, 88; АЯО, 21], <i>Палиндра</i> [АКО, 181], <i>Палакса</i> [АВО, 31], <i>Палех</i> [АИО, 21] и др.), ср. фин. <i>raala-</i> , морд. <i>raalo-</i> 'гореть', ф.-уг. * <i>raal'a</i> 'замерзать' [UEW, 352]
<i>келге</i> 'глубокий'	<i>Келгыер</i> , оз. <i>Келгэнер</i> , р.	?	—	—	Ср. в ЦМЗ: <i>Кильгши</i> , р. [АВО, 14]
Л <i>кугу</i> Г <i>кого</i> 'большой'	<i>Күгэнер</i> , р. <i>Кугуер</i> , оз. <i>Когойяр</i> , оз.	прамар. * <i>ku-ʉz</i> [EWT, 86], ф.-волж. * <i>kokz</i> 'большой' [UEW, 670]	—	—	В ЗКО и ЦМЗ есть другая основа с этим значением: <i>ин-</i> (<i>Инега</i> , н. п. (на р. <i>Инешка</i>) [АКО, 151], <i>Иневеж</i> , н. п. (на р. <i>Инешка</i>) [АИО, 11] и др.); ср. морд. <i>Э тне</i> , урал. * <i>enä</i> 'большой' [UEW, 74]

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
кож 'ель'	Кожсваж, р.	прамар. * <i>koz</i> [EWT, 78], урал. * <i>kuse</i> / * <i>kose</i> 'ель' [UEW, 222]	Козна, р. [АКО, 82] Козонец, р. [ТЭ] Козурка, р. [АКО, 165] Кузёмка, лес [ТЭ] ? Кузбал, н. п. [АКО, 110]	Кузома, р. [АВО, 67]	Ср. в ЦМЗ: <i>Козица</i> , р. [АВО, 14], <i>Кожучка</i> , р. [Там же, 9], <i>Козинка</i> , р. [АЮ, 36, 76]
кожла 'лес'	Кожлэнер, р.	< урал. * <i>kuse</i> / * <i>kose</i> 'ель' + суф. * <i>-la</i>	Козленец, р. [ТЭ] Кузлево, лес (2 топ.) [ТЭ]	—	1) Ср. в ЦМЗ: <i>Кузлево</i> , н. п. (Яр.) [АЮ, 59]. 2) Ср. восточнее ЗКО: <i>Козленец Сев.</i> и <i>Юж.</i> , р. (Нижег.) [АНО, 51, 63]
кокла 'средний'	Кокласола, н. п.	< прамар. * <i>koktз</i> 'два' [EWT, 68] + суф. * <i>-la</i> [Ibid., 69], ф.-уг. * <i>kahta</i> / * <i>kahta</i> 'два' [UEW, 118]	Кохлово, поле [ТЭ] Каклаш, р. [АКО, 133] (<i>Каклаж</i> , р., <i>Коклаж</i> , покос [ТЭ]) ? Котляш, н. п. [АКО, 88] (<i>Котляж</i> , р. [ТЭ])	—	Ср.: <i>Кухло</i> , оз. (Яр.) [АЮ, 144] в непо- средственной близости от ЗКО рядом с оз. Великое и еще одним незазан- ным маленьким озером. В этой системе оз. <i>Кухло</i> — среднее по величине
Л кузжу Г кузжы 'длинный'	Кузж(у)ер, оз. Кузжэнер, р.	прамар. * <i>kužз</i> [EWT, 98], урал. * <i>kuisз</i> / * <i>kosз</i> 'длинный' [UEW, 180]	Коческа, р. [АКО, 136] Кочуга, р. [Там же, 157] ? Кусца, р. [Там же, 172] ? Кузь, р. (2 топ.) [Там же, 110, 154] ? Кузбал, н. п. [Там же, 110]	Кочихра, оз. [Матвеев, 2006, 199] <i>Кочехоро</i> , оз. [АВО, 23]	1) Название н. п. <i>Кузбал</i> , вероятно, свя- зано с названием р. <i>Кузь</i> , устье которой находится поблизости. Вместе с тем оба этих названия, по мнению А. К. Матвее- ва, могут этимологизироваться от слова со значением 'ель' (см. выше мар. <i>кож</i>) [Матвеев, 2010, 440]. 2) Ср. восточнее ЗКО в верховье Ветлуги сильно вытянутое оз. <i>Кочи</i> [АКО, 69]

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
Л <i>кукишо</i> Г <i>кукиши</i> 'сухой'	<i>Күкийнегёр</i> , р. <i>Күкишо Корем</i> , н. п. <i>Күкишыер</i> , оз.	прамар. * <i>kiksʒ</i> [EWT, 87], ф.-перм. * <i>koksʒ</i> 'сухой' [UEW, 670]	<i>Күкиша</i> , покос [ТЭ] ? <i>Какиша</i> , р. [АКО, 156] ? <i>Кохталка</i> , р. [Там же, 148]	? <i>Кохто- вязь</i> , р. [Навител] (<i>Коятовяз</i> , <i>Кохтовез</i> [Смолицкая, 223])	1) Ср.: <i>Кокиша</i> , р. [АВО, 105] в басс. р. Ока выше г. Муром. 2) Основу <i>кохт(о)</i> - можно связать с ф.-перм. * <i>koksʒ</i> , учитываемая регулярное соответствие - <i>кс-~-шт-</i> в топонимии мерянских земель, которое подробно проанализировано А. К. Матвеевым [СТРС, IV, п. 1, л. 92–95], однако нельзя исключать и связь с ф.-уг. * <i>kakta</i> / * <i>käktä</i> 'два'. 3) Ср. также <i>Күшика</i> , р. (3 топ.) в ЗКО и ЦМЗ, ср. урал. * <i>kuska</i> 'сухой' [UEW, 223] или ф.-перм. * <i>koške</i> 'водопад, быстрина' [Ibid., 674]
<i>куп</i> 'болото'	<i>Күтсола</i> , н. п. <i>Күтйёр</i> , оз. <i>Күтэгер</i> , н. п.	?	—	—	
Л <i>курык</i> Г <i>кырык</i> 'гора'	<i>Күрыкүмбал</i> , н. п. <i>Кырыктыр</i> , н. п. <i>Күкнур</i> , н. п.	прамар. * <i>kurik</i> [EWT, 90], ф.-перм. * <i>kurʒ(-ka)</i> 'холм, возвышенность' [UEW, 677]	—	—	Названия речек <i>Курга</i> , <i>Курка</i> в ЦМЗ связаны с другим афеллятивом, имеющим значение 'речной залив' > 'небольшая речка' [СТРС, IV, п. 1, л. 64]

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
кү 'камень' кўан 'каменистый' кўер 'каменное место'	Кўанэнер, р. Кўанийёр, оз. Кўеверуй, н. п. Кинер, р.	прамар. * <i>kij</i> [EWT, 98], ф.-уг. * <i>kiwe</i> 'камень' [UEW, 163]	Кубань, р. [АКО, 164] Кубанка, р. [Там же, 163] Кукеша, р. (2 топ.) [Там же, 137, 168] Конногорь, р. [Там же, 51]	Кивехро, оз. [АВО, 23] Киверка, р. [Навигител] ? Кунга, р. [АНО, 80]	Ср. в ЦМЗ: <i>Кибол</i> , н. п. [АВО, 18], <i>Кибожа</i> , р. [АЯО, 71], <i>Кинобол</i> , ур. [АВО, 16], <i>Кинодир</i> , р. [Там же, 17] (<i>Киньдир</i> [Навигител]), <i>Кичуер</i> , н. п. [Там же, 14], <i>Кубёрь</i> , р. [Там же, 11]
Л кўчык Г кўтык 'короткий' кўиыл 'верхний'	Кўчыкэнер, р. Кўчыкьер, оз. Кичер, оз.	?	Кичка, р. [ТЭ] Киченка, р. [АКО, 61]	—	
кўиыл 'верхний'	Кўийлсола, н. п. Кўиыл Ер, оз. Кўишур, н. п.	?	Кущка, р. [АКО, 152]	? <i>Кишара</i> , оз. [АВО, 26]	Засвидетельствованы другие основы, которые могут претендовать на значение 'верхний': <i>ел-/елн-</i> : в ЗКО <i>Елнатъ</i> , р. (2 топ.) [АКО, 153, 189], в НКЗ <i>Елошка</i> , р. (< * <i>Елюх</i>) [АИО, 13], в ЦМЗ <i>Елена</i> , р. [АКО, 180]; <i>бел-</i> : к востоку от ЗКО <i>Белбаж</i> , р. (Нижег.) [АНО, 51]; ср. прасаам. * <i>ēle</i> [YS, 32–33], ф.-уг. * <i>wilā</i> (<i>wilā</i>) 'верхний', морд. <i>vel-</i> [UEW, 573], прамар. * <i>wiil-</i> 'на (чем-то)' [EWT, 311], мар. Г <i>вэйлмэй</i> 'наверху'
Л лавыра, лювыра Г лавёрá 'грязь, грязный'	Лавыра Куп, бол. Лавыран Ко- рем, овр. Любур, р. Лавыран Йёр, оз.	? < 'низина' < урал. * <i>arrz</i> 'плоский' [UEW, 237]	—	—	

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
Л <i>лон</i> , <i>лап</i> Г <i>лап</i> , <i>лап-ка</i> , <i>лапата</i> 'низина, низкий'	<i>Лашиор</i> , н. п. <i>Лапанэнер</i> , р. <i>Лопчур</i> , н. п. <i>Лопаш</i> , н. п. <i>Лапкаер</i> , оз. <i>Лапкаэнер</i> , р.	прамар. * <i>lor</i> [EWT, 120], урал. * <i>lapp</i> з 'плоский' [UEW, 237]	? <i>Лаптиха</i> , р. [АКО, 60] ? <i>Лопата</i> , р. [Там же, 78]	—	В ЗКО указанные названия на <i>лап-</i> , <i>лоп-</i> могут быть и русскими по происхождению
Г <i>лidy</i> 'сухой овраг'	<i>Лидыбуй</i> , н. п.	?	—	? <i>Ледь</i> , р. [АВО, 83]	Название <i>Ледь</i> может быть связано с рус. диал. <i>ляда</i> 'поле, поросшее молодым лесом, новь' [Фасмер, II, 549]
Л <i>ломбо</i> Г <i>ломбы</i> 'черемуха'	<i>Ломбэгер</i> , р. <i>Ломбер Ко-рем</i> , овр.	прамар. * <i>lot-ri</i> [EWT, 118], урал. * <i>l'ete</i> (<i>l'öte</i>) 'черемуха' [UEW, 65]	<i>Лама</i> , р. [ТЭ] <i>Лаптиха</i> , лес [Там же] <i>Ланпиха</i> , луг [Там же] <i>Ляма</i> , р. [ТЭ] <i>Тома</i> , р. [АКО, 150] <i>Томна</i> , р. [Там же, 187] <i>Томиша</i> , р. (2 топ.) [Там же, 150, 158] ? <i>Тумба</i> / <i>Туньба</i> / <i>Тюньба</i> (несколько топ.) [ТЭ]	<i>Ламхоро</i> , оз. [АВО, 23] <i>Ламхра</i> , оз. [Матвеев, 2006, 199] <i>Ламешка</i> , р. [АЮ, 22] <i>Ламское</i> , оз. [Там же] ? <i>Тюмба</i> , оз. [АВО, 24]	1) Топонимы <i>Лама</i> , <i>Лампиха</i> , <i>Ланпиха</i> образуют компактный микроарал в Галичском районе Костромской обл. 2) Ср в ЦМЗ: <i>Тома</i> , р. [АВО, 34], <i>Томиша</i> , р. [АЮ, 18]; названия с основной <i>том-</i> в ЗКО и ЦМЗ могут быть связаны с основной со значением 'дуб', см. ниже. 3) Топонимы с основой <i>тумб-/тюмб-/тун(б)б-/тон(б)б-</i> могут быть образованы от другого слова, представляющего собой топонимизированный термин, родствен-ный праугор. * <i>lump</i> з 'что-либо выступающее, торчащее (напр., холм, остров)' [UEW, 896] [СТРС, IV, п. 2, л. 25]

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
Г <i>лүйты</i> [СГМЯ, 141] Л <i>но́лпо</i> 'ольха'	<i>Лүльлан</i> , н. п. <i>Лёттер Куп</i> , бол. <i>Нойтыер</i> , оз.	ф.-перм. * <i>leiz</i> (* <i>älz</i>) 'ольха' [UEW, 688]	<i>Лёля</i> , р. [ГЭ]	<i>Люлех</i> , р. [АЮ, 21] <i>Люлих</i> , р. (2 топ.) [АВО, 47; АЮ, 22]	
Л <i>лүкё</i> Г <i>лүкы́</i> , <i>лүйкы́</i> 'трясина'	<i>Лыкыйёр</i> , оз. <i>Люко</i> , р.	? ф.-волж. * <i>lakä</i> 'долина (реки), низменность' [UEW, 685]	<i>Лакша</i> , р. [АКО, 102] <i>Лыкишина / Лык- шинка</i> , р. [ГЭ] <i>Ляга</i> , р. [Там же] <i>Белый Лух</i> и <i>Чер- ный Лух</i> , р. [АКО, 175]	<i>Лух</i> , р. [АВО, 26]	Ср. в ЦМЗ: <i>Лахость</i> , р. [АЯО, 103], ко- торая берет начало из топкого болота; ср. также к востоку от ЗКО: <i>Лух</i> , р. [АКО, 89]
Л <i>маска</i> Г <i>мо́ска</i> 'медведь'	<i>Маска Куп</i> , бол. <i>Масканур</i> , н. п.	?	—	—	
Л <i>меранг</i> Г <i>морен</i> 'заяц'	<i>Меранвуд</i> , р.	?	—	—	
Л <i>но́лго</i> Г <i>но́лгы</i> 'ильм'	<i>Нолгэнер</i> , р.	прамар. * <i>noľuz</i> [EWT, 162–163], ф.-перм. * <i>noľkz</i> / * <i>noľkz</i> 'вяз, ильм' [UEW, 715]	<i>Ноля</i> , р. [АКО, 102]	<i>Нула</i> , р. [АВО, 62] <i>Нулка</i> , р. / <i>Нула</i> , н. п. [Там же, 82]	

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
нуж 'шука', 'крапива'	Нужсвер, оз. Нужэнер, р.	прамар. * <i>пиз</i> [EWT, 168], ? урал. * <i>поса</i> 'колочка, шип' [UEW, 307]	Нозыга, р. [АИО, 13] Нозома, р. [АКО, 174] Нозьма, р. [Там же, 108] Ножига, р. [Там же, 56]	—	Восточнее ЗКО, в междуречье Унжи и Ветлуги, есть названия с основой <i>нуж-</i> : <i>Нуженка</i> , р. [АНО, 96], <i>Нужна</i> , р. [АКО, 121], <i>Нужная</i> , р. [Там же, 90]
Л нур Г ныр 'поле, поляна'	Нуръял, н. п. Нурэнер, р. Нырийал, н. п.	?	—	—	
ош(о) 'белый'	Ошйяр, оз. Ошүргө, н. п.	прамар. * <i>ош</i> [EWT, 178], ф.-уг. * <i>а́ска</i> 'белый' [UEW, 3]	Ача, р. [АКО, 130] Оча, р. [ТЭ]	—	1) Ср.: <i>Ашка</i> , р. в ЦМЗ близ Ростова [Матвеев, 2006, 156]. 2) В ЗКО и НКЗ выступает еще одна основа с этим значением: <i>волг-/валг-</i> : <i>Волга</i> , р.ч. (ЗКО) [ТЭ], <i>Валзма</i> , р. (НКЗ) [АНО, 104], ср. ф.-волж. * <i>walkz</i> 'белый, светлый' [UEW, 554]
памаш 'родник'	Памашола, н. п.	?	—	—	В ЗКО распространена другая основа, которая может иметь это значение: <i>шач-</i> (<i>Шача</i> , р. [АКО, 76, 78, 79, 98, 147, 154, 183, 188], <i>Шачингирь</i> , р. [ТЭ], <i>Шачебол</i> , н. п. [АКО, 144]), ср. урал. * <i>са́сэ</i> / * <i>са́псэ</i> 'рождаться' (? > 'родник') [UEW, 52]

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
<i>писте</i> 'липа', <i>пистер</i> 'липняк'	<i>Пистаи</i> , р. <i>Пиштан(ь)</i> , р. <i>Пиштер</i> , н. п. <i>Пистеріа</i> , н. п.	прамар. * <i>pišt</i> [EWT, 189], ф.-волж. * <i>piškñä</i> 'липа' [UEW, 726]	<i>Пистома</i> , р. [ТЭ] <i>Песта</i> , р., покос (2 топ.) [АКО, 132; ТЭ] <i>Пестенька</i> , р., н. п. [АКО, 122] <i>Пастома</i> , н. п. [АКО, 126]	<i>Пукстерь</i> , р.	1) Ср. в ЦМЗ в непосредственной близости от НКЗ: <i>Кукса</i> , р. [АЮО, 18] (? < * <i>Дукса</i>), она же <i>Липная</i> [Навител]. 2) Ср. также <i>Пестуши</i> , р. [АВО, 31] и <i>Пекша</i> , р. [Там же, 53] в ЦМЗ, <i>Пекса</i> , р. [АНО, 115] в районе Муррома, ср. морд. Э <i>пекше</i> 'липа' [ЭРС, 163]. 3) Пока трудно сказать, относятся ли к данной группе названия в ЗКО с основами <i>пахт-</i> и <i>пихт-</i> (<i>Пахта</i> , р. [ТЭ], <i>Пихтома</i> , р. [АКО, 131], <i>Б. Пихтуй</i> , р. [АКО, 60], <i>Пихта</i> , н. п. [Там же, 111]) с учетом соответствия <i>-ст-</i> ~ <i>-хт-</i> (ср. <i>Пистома</i> [ТЭ] с картографическим вариантом <i>Пихтома</i> [АКО, 131]) и соответствия <i>-кс-</i> ~ <i>-хт-</i> [СТРС, IV, п. 1, л. 92–95]
<i>Л локиел</i> Г <i>локиал</i> 'средний'	<i>Покиел</i> , р. <i>Покиел Ко-</i> <i>рем</i> , овр.	?	—	—	
<i>порт</i> 'дом, изба'	<i>Портанур</i> , н. п. <i>Портчара</i> , н. п.	?	<i>Перт</i> , р. [ТЭ] <i>Пурдиши</i> , р. [На- вител]	<i>Пордох</i> , р. [АВО, 39]	Ср.: <i>Пурдиши</i> , р. (Иван.), находится на границе с НКЗ
<i>Пүкиерме</i> 'орешник'	<i>Пүкиерме</i> , н. п.	прамар. * <i>pišk</i> [EWT, 211], ф.-перм. * <i>piškz</i> 'орех' [UEW, 726]	? <i>Пескушь</i> , р. [АКО, 111]	—	1) В Костромской обл. проходит северная граница произрастания лещины (орешника). 2) Ср.: оз. <i>Пискарь</i> рядом с оз. <i>Ореховец</i> [АВО, 93] возле г. Муром. 3) Ср. в ЦМЗ: <i>Пашка</i> , р. [АВО, 32]

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
Л пүнчö Г пӱнжэй 'сосна'	Пӱнчерийымал, н. п. Пӱнчан, р. Пӱнжэййр, оз.	прамар. *riničz [EWT, 212], ф.-перм. *rešj / *repšj 'сосна' [UEW, 727]	Печингирь, р. [АКО, 172] (Печенгирь [ТЭ]) Печуга, р. [АКО, 99] Печень, р. [ТЭ] Пичуга, р. [АКО, 78] Пичево, р. [Там же, 136]	Печало, оз. [АВО, 24] (Печехра [Матвеев, 2006, 199]) Печхар, оз. [Там же, 44] Печуга, р. [АИО, 14] Печера, р. [АВО, 22] Б. и М. Печ- кур, оз. [Там же, 45]	Ср. в ЦМЗ: Печуга, р. [АВО, 19], Пичкура, р. [Там же, 29], Печенка, р. [Там же, 76], Печегда, р. [Там же, 64, 110]
руш 'русский'	Рушэнер, р. Рушьял, н. п.	?	Руша, р. [АКО, 130] Ружбал, р. [ТЭ]	? Ружа, р. [АНО, 103]	1) Ср.: Руша, р. (Яр.) [АКО, 98, 99] и Руша, ур. (Яр.) [Там же, 98] в непосредственной близости от ЗКО. 2) Название р. Ружа (Нижег.) может быть связано с морд. Э ружжо 'черный' [ЭРС, 183]
Л рывыж Г бӱрвэйж 'лиса'	Рывыжъяр, оз. Бӱрвэйжйр, оз.	прамар. *riviž [EWT, 215], ф.-уг. *repj(-čə) 'лиса' [UEW, 423]	Рыболово, н. п. [ТЭ]	—	Ср.: Рубское, оз. [АИО, 19] в ЦМЗ в непосредственной близости от НКЗ

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
<i>тор</i> , диал. 'лес, заросли'	<i>Тор Вүд</i> , р. <i>Торэнгер</i> , р.	?	<i>Тора</i> , р. [АКО, 128] <i>Торенка</i> , р. [Там же, 189]	—	
<i>тореш</i> 'поперечный, противоположный'	<i>Тореш Куп</i> , бол. <i>Торешьер</i> , оз.	прамар. * <i>torēš</i> [EWT, 280], ф.-волж. * <i>torāksz</i> 'поперек' [UEW, 799]	—	—	
Л <i>тошто</i> , <i>тош</i> Г <i>тошты</i> 'старый'	<i>Тошлем</i> , н. п. <i>Тошнур</i> , н. п. <i>Тоштоял</i> , н. п.	?	—	? <i>Тужа</i> , р. [АНО, 103]	Река <i>Тужа</i> впадает в старицу; ср. также: <i>Туж</i> , протока [ТК100] в среднем течении р. Вятки
Л <i>тумо</i> Г <i>тум</i> 'дуб' <i>тумер</i> 'дубняк'	<i>Тумо Корем</i> , овр. <i>Тумерсола</i> , н. п.	прамар. * <i>tumz</i> [EWT, 286], ф.-перм. * <i>tota</i> 'дуб' [UEW, 798]	<i>Тома</i> , р. [АКО, 150] <i>Томна</i> , р. [Там же, 187] <i>Томша</i> , р. (2 топ.) [Там же, 150, 158]	—	1) Ср. в ЦМЗ: <i>Тома</i> , р. [АВО, 34], <i>Томша</i> , р. [АЮ, 18], <i>Томанка</i> , р. [Там же, 51]. 2) Ср.: <i>Тумка</i> , р. [АВО, 18], <i>Тума</i> , н. п. [Там же, 17] в ЦМЗ в непосредственной близости от НКЗ; <i>Тумбас</i> , р. [АКО, 161] к востоку от ЗКО с возможным формантом - <i>вэз/-бас</i> ; <i>Тумаш</i> , р. [АЮ, 98] в ЦМЗ
У 'новый'	<i>Уер</i> , оз. <i>Усола</i> , н. п.	прамар. * <i>ij</i> < домар. * <i>иде</i> [EWT, 292], ф.-уг. * <i>вид'e</i> 'новый' [UEW, 587]	—	—	1) Ср. <i>Уводь</i> , р. [АВО, 22] в непосредственной близости от НКЗ с возможным формантом - <i>вед/-водь</i> . 2) Ср. <i>Удога</i> , р. [АЮ, 25] в ЦМЗ; вместе с тем для названия речек семантика «новый» нехарактерна

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
Л <i>у́льл</i> Г <i>у́льл, у́л</i> 'нижний'	<i>У́льлсала</i> , н. п. <i>У́льер</i> , оз.	прамар. * <i>uɫɫ</i> з 'внизу' [EWT, 304], урал. * <i>ala</i> 'нижний' [UEW, 6]	<i>Воля</i> , р. [АКО, 196] <i>Волушка</i> , р. [Там же, 190] <i>Вольница</i> , р. [Там же, 124] <i>Воломша</i> , р. [Там же, 155] ? <i>У́лья</i> , р. [Там же, 183]	? <i>Алжанец</i> , оз., р. [АВО, 45]	1) Ср. в ЦМЗ: <i>Воля</i> , р. [АЮ, 32], <i>Волинка</i> , р. [Там же, 106], <i>Волсотня</i> , р. [Там же, 48], <i>Вольша</i> , р. [Там же, 24]; к востоку от ЗКО: <i>Вол</i> , р. [АКО, 121], ср. прасаам. * <i>uolē</i> 'нижний' [YS, 152–153]. 2) Река <i>У́лья</i> : ср. также ф.-уг. * <i>wilā</i> (<i>wilā</i>) 'верхний' [UEW, 573], прамар. * <i>wil-</i> 'на (чем-то)' [EWT, 311]
Л <i>чевер</i> Г <i>цевер</i> 'красивый'	<i>Чевернур</i> , н. п.	?	—	? <i>Шеверниха</i> , н. п. [АВО, 26]	Ср. <i>Шиверка</i> , р. [АВО, 58] в непосредственной близости от НКЗ и <i>Чиверка</i> , р. [Там же, 84] в ЦМЗ, однако основы всех этих названий могут быть родственны морд. <i>Э́север</i> 'мышь' [UEW, 500]
Л <i>чодыра</i> 'лес' Г <i>цадыра</i> 'чаша'	<i>Чодыраал</i> , н. п. <i>Чодра-Полко</i> , н. п.	?	—	—	В ЗКО, ЦМЗ и НКЗ есть другая основа с этим значением: <i>вор-</i> в ЗКО и ЦМЗ (<i>Ворваж</i> , р. [АКО, 57], <i>Ворокса</i> , р. [Там же, 144], <i>Ворос</i> , р. [Там же, 112], <i>Ворша</i> , р. [Там же, 173], <i>Воробылово</i> , н. п. (<i>Воробыловка</i> , р.) [АЮ, 102]) и <i>вар-</i> в НКЗ (<i>Варех</i> , оз. [АВО, 27]), ср. ф.-уг. * <i>węte</i> (<i>wōte</i>) 'гора' [UEW, 571] (> 'лес')

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
Л <i>шем</i> Г <i>шим</i> 'черный'	<i>Шемьер</i> , оз. <i>Шемэнер</i> , р. <i>Шимваж</i> , р.	прамар. * <i>šim</i> 'черный' [ЕВТ, 224], ф.-перм. * <i>šimz</i> 'ржавчина' [УЕВ, 758]	<i>Сима</i> , возв. [ТЭ] ? <i>Шингирь</i> , р. [АКО, 53]	<i>Семахар</i> , оз. [АВО, 43] <i>Смехровское</i> , оз. [Там же, 23] <i>Симбирка</i> , ур. [Там же, 43]	1) Ср. в ЦМЗ: <i>Семига</i> , р. [АВО, 34], <i>Симка</i> , р. [Там же, 8]. 2) Название <i>Шингирь</i> ⁴ (< ? * <i>Шимингирь</i>) может быть связано с топонимами на <i>шим-шум-</i> (в основном за пределами ЗКО и НКЗ: <i>Шимпол</i> , р. [АКО, 32], <i>Шумьюшка</i> , р. [АМЭ, 35]), которые могут отражать другой корень со значением 'черный', ср. доморд. * <i>šaitā</i> 'темный, ржавый' [Keresztes, 156]
Л <i>шоло</i> Г <i>шол</i> 'вяз'	<i>Шолэнер</i> , р. <i>Шолангул</i> , бол. <i>Солонер</i> , н. п.	прамар. * <i>šolā</i> [ЕВТ, 243], ф.-уг. * <i>šala</i> 'вяз' [УЕВ, 458]	<i>Шолокша</i> , р. [АКО, 156] <i>Солонка</i> , р. (2 топ.) [Там же, 146; Навител] <i>Солоница</i> , р. [АКО, 162] <i>Салка</i> , р. [ТЭ] <i>Саленка</i> , р. и н. п. [АКО, 167; ТЭ] ? <i>Шилекша</i> , р. (4 топ.) [АКО, 60, 175, 191]	<i>Сало</i> , оз. [АВО, 44] <i>Сальян</i> , р. [АЮ, 20] <i>Б. Салы</i> , залив [Навител] <i>Салун</i> , н. п. [АВО, 65]	1) Ср.: <i>Салакса</i> , р. [АНО, 129], <i>Салка</i> , р. [АВО, 101] в басс. р. Ока выше г. Муром в непосредственной близости от НКЗ. 2) Ср. в ЦМЗ в непосредственной близости от НКЗ: <i>Шаловка</i> , р. [Там же, 55]. 3) Ср. в ЦМЗ: <i>Селекша</i> , р. [Там же, 8]. 4) Река <i>Шолокша</i> протекает на востоке ЗКО в непосредственной близости от древнемарийского топонимического ареала. 5) Ср. к востоку от ЗКО еще одна р. <i>Солоница</i> [АКО, 138], в нее впадает р. <i>Вязовик</i> [Там же, 139]

⁴ А. К. Матвеев не исключает также возможность соотношения данного топонима с названиями речек типа *Сингерь*, *Сингарь*, *Синкерь*, распространенными в ЦМЗ, и с мар. *иий*, *иш* 'серебро' + *эгер* 'река', допуская здесь отражение своеобразного топонимизированного термина со значением 'серебряная речка', т. е. речка с серебристой, прозрачной водой [СТРС, IV, п. 1, л. 105].

Продолжение таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
<i>шолкер</i> 'осинник'	<i>Шоткер</i> , н. п.	прамар. *šor-ki [EWT, 245], ф.-волж. *šara 'осина' [UEW, 783]	<i>Осиновый Хаб</i> , заводь [ТЭ] <i>Хабаль</i> , р. [АКО, 184]	—	1) Ср. в ЦМЗ: <i>Шаболовка</i> , р. [АЯО, 113]. 2) Возможно, была распространена другая основа с данным значением, ср.: в ЗКО <i>Понгирь</i> , р. [ТЭ] (< ? * <i>Пойнгирь</i>); в ЦМЗ <i>Пойга</i> , р. [АЯО, 72]; ср. морд. Элой 'осина' [ЭРС, 170]
<i>шор</i> 'болото'	<i>Шордёр</i> , н. п. <i>Шорэнер</i> , р.	?	<i>Шора</i> , р. [АКО, 181]	—	1) Ср. в ЦМЗ: <i>Шаркиа</i> , р. [АВО, 57] рядом с бол. Брюханово Болото, <i>Шориха</i> , бол. [АИО, 10], <i>Шора</i> , р. [Там же], <i>Шарша</i> , р. (Иван.) [Навител]. 2) Ср. в ЦМЗ: <i>Ширей</i> , р. (Иван.) [Навител], <i>Ширина</i> , р. [АВО, 18] — обе речки в болотистой местности в непосредственной близости от НКЗ; <i>Шира</i> , бол. [Там же, 94] возле оз. Великое на севере Рязанской области
Л <i>шордо</i> Г <i>шарды</i> 'лось'	<i>Шордыер</i> , оз. <i>Шордэнер</i> , р.	прамар. *šordə [EWT, 247], урал. *šarta 'лось' [UEW, 464]	<i>Сордик</i> , р. (<i>Шордик</i>) [ТЭ] <i>Сордыш</i> , р. [АКО, 162]	—	Ср. в ЦМЗ: <i>Шордога</i> , н. п. (*р.) [АВО, 9]
<i>шун</i> , диал. <i>шон</i> 'глина'	<i>Шунсола</i> , н. п. <i>Шундэгёр</i> , р. <i>Шон Корем</i> , овр.	прамар. *šin [EWT, 256], ф.-уг. *šave 'глина' [UEW, 468]	<i>Соня</i> , р. [АКО, 54] <i>Сонгирь</i> , р. [ТЭ] <i>Сова</i> , р. [Там же]	<i>Санхр</i> , оз. [АВО, 26] <i>Санахта</i> , р. [АНО, 70]	1) Ср. в ЦМЗ: <i>Сонохта</i> , р. [АЯО, 62], <i>Соньга</i> , р. [Там же, 79]. 2) Возможно, была распространена также другая основа, ср.: <i>Соег</i> , р. [АКО, 83], <i>Суй-ехра</i> , оз. [АВО, 54], <i>Шуя</i> , р. [АКО, 155]; ср. урал. *šojwa 'глина' [UEW, 483]

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
Л <i>иўгар</i> Г <i>иўггер</i> 'могила' (> <i>иўгарла</i> 'кладбище')	<i>Шўгарэнер</i> , р. <i>Шўгарнур</i> , н. п.	прамар. * <i>šij-i-r</i> [EWT, 262], ? ф.-уг. * <i>šik-z-r-z</i> / * <i>šik-z-r-z</i> 'могила' [UEW, 59]	<i>Шигарянская</i> , часть д., возв. [ГЭ] <i>Шигарь</i> , р. [Там же] <i>Шигари</i> , оз. [АКО, 134] <i>Шегары</i> , н. п. [Там же, 169] <i>Чигари</i> , ур. [Там же, 190]	<i>Шихриха</i> , н. п. [АНО, 70]	Ср. в ЦМЗ: <i>Чигера</i> , р. [АВО, 32]
Л <i>иўкиё</i> Г <i>иўкиби</i> 'плохой'	<i>Шўкшыер</i> , оз. <i>Шўкиўкун</i> , бол.	?	<i>Шикиа</i> , р. [ГЭ] ? <i>Шекиема</i> , р. [АКО, 113]	—	В связи с названием <i>Шекиема</i> ср. также в ЦМЗ: <i>Секша</i> , р. [АВО, 21], <i>Секша</i> , р. [АЮ, 40]; ср. морд. Э <i>seks, sekše</i> , ф.-перм. * <i>säksä</i> 'грязь' [UEW, 755]
Л <i>иўргё</i> Г <i>иўргёй</i> 'лес (ли- ственный)'	<i>Шўргё</i> , н. п. <i>Шўргыер</i> , оз. <i>Шўргыйёл</i> , н. п. <i>Сўреўсола Ер</i> , оз.	?	? <i>Шохра</i> , ур., бол. ⁵ [АКО, 156] ? <i>Шохорда</i> , р. [Там же, 119]	—	Ср. в ЦМЗ: <i>Шухра</i> , н. п. [АЮ, 113] в не- посредственной близости от НКЗ

⁵ Известно рус. диал. (костр.) *иохра* 'лес по болоту' [Даль, IV, 642], которое, безусловно, является заимствованием из вымерших финских языков. А. К. Матвеев вместе с рус. диал. *согра*, обозначающим различные виды заболоченных мест, предполагает родство этого слова с мар. *шўргё* 'лиственный лес, дубрава' [СТРС, IV, п. 2, л. 24]. Действительно, изменение *-*zr*- > -*rg*- встречается в прамарийском языке, а что касается объяснения переднего вокализма марийского корнявого гласного, то оно возможно при одном условии: если в начале слова исторически было ф.-волж. **š*-, в этом случае сочетание ф.-волж. **šo*- иногда может давать мар. *иў*-, ср. мар. *иўраши* 'крупа' < ф.-волж. **šora* 'зерно' [UEW, 776]. Спорадическое изменение **u* > **i* в прамарийском встречается и в некоторых других случаях, ср. прамар. **iiln-z* 'внизу' [EWT, 304].

Окончание таблицы

Типовые марийские топонимы	Примеры в марийской топонимии	Прамарийская и домарийская формы	Топонимы в зоне ЗКО	Топонимы на территории НКЗ	Примечания
Л <i>эгер</i> Г <i>а́нгы́р</i> 'река, речка'	<i>Энервож</i> , н. п. <i>Энериучаш</i> , н. п. <i>Энерумбал</i> , н. п.	? домар. * <i>а́рэг</i>	<i>Ингирь</i> , р. [АКО, 131] <i>Ингарь</i> , р. [Там же, 106] <i>Ингар</i> , р. [Там же, 183] <i>Ингорь</i> , р. [Там же, 181]	<i>Ундер</i> , р. [АИО, 131] (<i>Унгер</i> , р. [СТРС, IV, п. 1, л. 106]) <i>Ункор</i> , р. [АНО, 106] <i>Ингирь</i> , р. [АВО, 64]	В значении 'река, речка' в ЗКО активно употреблялся топонимант - <i>Уга</i> , а в НКЗ - <i>Ух</i> [СТРС, IV, п. 1, л. 66–72; Магвеев, 2006, 203–206]
Л <i>юмо</i> Г <i>йымы</i> 'бог' <i>юмылдымо</i> 'моление' [ТРМЭ, 400]	<i>Юма</i> , р. <i>Юмотоер</i> , оз. <i>Юмылдымо</i> <i>Куп</i> , бол.	прамар. * <i>јитз</i> [ЕWT, 36], ф.-волж. * <i>јита</i> 'небо, бог' [UEW, 638]	—	—	